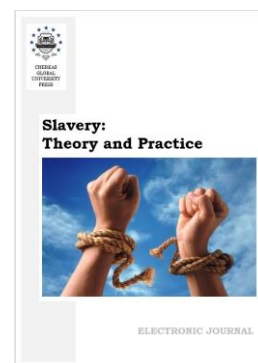

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2022. 7(1): 14-56

DOI: 10.13187/slave.2022.1.14
<https://stp.cherkasgu.press>

To The Issue of Slaves and Princes among Chechens and Ingush

Aleksey A. Golovlyov ^{a, *}

^a Russian Geographical Society, Russian Federation

Abstract

The analysis of literary (local history) and field (historical and ethnographic) material showed that patriarchal slavery took place in Chechnya and Ingushetia. The main source of the formation of the contingent of slaves are prisoners of war and civilians taken by Chechens and Ingush in neighboring regions. The contingent of slaves was also replenished at the expense of the Chechens and Ingush themselves, which is confirmed by several examples. The special role of military squads (*gierakhoy*, variants of *gIeroy/gIeri/gIera* in Chechnya, *gar* or *gIar* in Ingushetia) in the emergence of the *institution of slavery* is emphasized. Folk legends recorded by the author in the mountains of Chechnya confirm the existence of debt slavery and vassalage from the mountain prince among the Upper Argun Chechens.

The *institution of princely power* existed among Chechens in 3 local regions. The mountain princes, who were among the Upper Argun Chechens, were elected by them for strength, bravery and public benefits. The princes had military squads, land, herds and controlled mountain passes, for which they received tribute. Princely cattle were grazed gratuitously by vassal-dependent highlanders. The princes had the right of the first wedding nights with the brides of their society. The existence of their personal slaves was not recorded.

Keywords: slaves, slavery, slave-owning, *gierakhoy*, captives, *taips*, legends, Chechens, Ingush.

1. Введение

Тема рабства, существовавшего в историческом прошлом в Чечне и Ингушетии, слабо разработана в научной печати как из-за ограниченности источников информации, так и вследствие непрестижности этой темы в сообществе национальных историков. Ведь и поныне на ментальном уровне многие чеченцы и ингуши воспринимают утверждение о существовании у них в прошлом рабства чуть ли не как оскорбление или ущемление их национального достоинства¹. Поэтому не удивительно то, что тема рабства до сих пор мало востребована, а специальные работы по ней встречаются не часто.

* Corresponding author

E-mail addresses: progol94@mail.ru (A.A. Golovlyov)

¹ Хотя указанное утверждение не содержит ничего предосудительного. Например, даже США – общепризнанный лидер западной демократии – не избежали в своей относительно молодой истории периода рабовладения. Не говоря уже о том, что государство Древнего мира, внесшие колоссальный вклад в развитие человеческой цивилизации, тоже были рабовладельческими. Н.П. Гриценко, вообще, считал, что отрицание классовости чеченского и ингушского народов принижает уровень их социально-экономического развития (Гриценко, 1976: 276).

С давних пор существует мнение о том, что все чеченцы – уздени (люди свободные, равноправные) и что, в отличие от многих других народов, у чеченцев не было классового деления. Если же когда-то и имелись князья, то все они были приглашены в Чечню и не являлись чеченцами по происхождению. Рабы же, имевшиеся в прошлом в Чечне, тоже не природные чеченцы, а иноземные пленные. Подобное представление о бесклассовости чеченского (и ингушского) общества в советское время подверглось критике и получило название теории «единого потока» (Гриценко, 1976: 277; Умаров, 1980: 8).

Вместе с тем по теме рабства и рабовладения в Чечне и Ингушетии нам известно несколько специальных публикаций (Тотоев, 1969; Гриценко, 1976; Магомадова, 2017). Некоторые труды досоветских, советских и постсоветских исследователей затрагивают с различной детальностью вопрос о рабстве, рабовладении и князьях в Чечне и рабстве в Ингушетии (Броневский, 1823; Бларамберг, 2005; Описание Чечни..., 1940; Самойлов, 1855; Берже, 1859; Лаудаев, 1872; Ольшевский, 1893; Максимов, 1893; Иваненков, 1910; Яковлев, 1925; Семенов, 1928, 1935; Щерблыкин, 1928; Ошаев Х., 1930; Базоркин, 1964; Ошаев М., 1966; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР..., 1967; Харадзе, Робакидзе, 1968; Крупнов, 1971; Мамакаев, 1936, 1973; Умаров, 1980; Кокурхаев, 1989; Великая и др., 1990; Тотоев, 2009 и др.). В самом конце советского периода вышли в свет специальные публикации о беглых и пленниках русских в имамате Шамиля (Головлёв, 1990; Дударев, 1990)¹. В постсоветский период вопрос о плене у горцев Северного Кавказа и продаже пленников в рабство освещали в своих трудах Д.С. Дударев, С.Л. Дударев, Ю.Ю. Клычников и др. (Дударев, Дударев, 2017а, Дударев, Дударев, 2017б; Дударев, 2022; Клычников, 2020 и др.).

Недостаточность источников информации о рабстве, существовавшем у чеченцев и ингушей, как и о князьях в Чечне (особенно о горских князьях), разбросанность данных о сословном делении в горных обществах по всевозможным научным изданиям диктует необходимость сбора всех доступных литературных и полевых историко-этнографических материалов и их обобщения в одной специальной работе.

Цель настоящего исследования – выявление и осмысление фактов существования преимущественно в горных обществах Чечни и Ингушетии сословного деления (рабы – «лай»/«лей», «ясырь»; рабовладельцы; горские князья – «эл»², а также окоцкие мурзы и князья-иноземцы). К задачам исследования относятся: определение, хотя бы в общих чертах, социального статуса горских и иных князей в Чечне; определение социального статуса горских рабовладельцев, не имевших княжеского титула; установление характера взаимоотношений горских князей с вассально зависимыми горцами и рабовладельцев из горцев с рабами разных категорий; характеристика источников формирования рабства и определение примерных хронологических рамок существования институтов рабства и княжеской власти в Чечне и института рабства в Ингушетии.

2. Материалы, объект, предмет, принципы и методы

Материалом для написания настоящей статьи послужили публикации о рабстве в Чечне и Ингушетии и народные (в том числе фамильные) предания чеченских горцев. Литературные источники обнаруживались и изучались нами, начиная с 80-х гг. XX в., в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина в Москве. Кроме того, в 70-х гг. XX в. ряд ценных книг, содержащих сведения о рабстве, был получен через Межбиблиотечный абонемент ЧИГУ им. Л.Н. Толстого из библиотек Москвы, Ленинграда, Тбилиси и других городов. В новейшее время поиск литературных источников производился в российских электронных библиотеках и сети Интернет (открытый доступ).

В конце 70-х – начале 90-х гг. XX в. автор настоящей статьи проводил маршрутное изучение ландшафтов Горной Чечни. В этот период на территории бассейна р. Чанты-Аргун можно еще было встретить горцев (как правило, людей пожилого или преклонного возраста), помнивших древние народные (в том числе фамильные) предания. Осознавая

¹ Со времени выхода статьи (Головлёв, 1990) были выявлены еще две причины бегства русских солдат и линейных казаков к Шамилю: первые бежали из-за почти полного отсутствия женщин в укреплениях и крепостях, а вторые – из-за угрозы наказания начальства в виде порки.

² На литературном чеченском языке князь называется «эла». Верхнеаргунские горцы «обрубают» конечную букву и называют князя словом «эл». Князь по-ингушски – «аьла».

ценность этих преданий в деле закрытия «белых пятен» в истории чеченского народа и используя хорошие отношения, сложившиеся с чеченскими горцами, автор статьи стал записывать исторические сказания старожил. Иногда случалось так, что было неудобно спросить фамилию рассказчика, поэтому в дневниковых записях фигурирует только его имя. В ряде случаев не удавалось сразу записать услышанную от горцев информацию и она ложилась на бумагу спустя некоторое время, когда многие интереснейшие детали уже выветрились из памяти. Иногда случалось, что плохое знание или незнание горскими старожилками русского языка мешало понять смысл или детали предания¹. В тех случаях, когда не удавалось качественно записать предание, автор договаривался с чеченцами о новой встрече, причем они выражали готовность сообщить все, что знают. Однако в силу разных обстоятельств повторно встретиться и снова записать предание не получалось.

Объектом исследования являются социально-экономические отношения, которые сложились между горцами Чечни и Ингушетии, владевшими рабами, и находившимися у них в подчинении рабами и другими зависимыми людьми в период от Средневековья и до отмены царскими властями рабства в 60-х гг. XIX в. *Предметом исследования* является специфика положения рабов разного происхождения в Чечне и Ингушетии.

Работа по написанию статьи базировалась на *принципах историзма и научной объективности*. Рабство у горцев Чечни и Ингушетии исследовалось на основе принципа историзма в контексте существовавших социально-экономических и бытовых условий. Базируясь на принципе научной объективности, автор проанализировал литературные источники и этнографические материалы (изустные народные, в том числе фамильные, предания), содержавшие конкретную информацию о сословной неоднородности горского общества в позднем Средневековье.

При написании настоящей статьи использовались *метод* сбора, систематизации и анализа краеведческих (кавказоведческих) литературных источников и *метод* полевого сбора изустной историко-этнографической информации посредством проведения опроса старожил на территории юго-западной части Горной Чечни. Применялись также историко-сравнительный и историко-генетический методы исследований.

3. Обсуждение

Рассмотрим сначала опубликованные в царское, советское и постсоветское время источники о рабах, пленниках и князьях, свидетельства русских пленников, захваченных чеченцами, а затем охарактеризуем предания верхнеаргунских горцев.

К первым работам, содержащим общие сведения о пленниках и рабах в Чечне, относятся работы С.М. Броневского ([Броневский, 1823](#)), И.Ф. Бларамберга ([Бларамберг, 2005](#)), И.И. Норденстамма ([Описание Чечни..., 1940](#)). Труд И.Ф. Бларамберга (в виде рукописи на французском языке) был написан в 1834 г. и по вопросу рабства у чеченцев в основном повторяет данные С.М. Броневского. Рукопись капитана Генерального штаба императорской армии И.И. Норденстамма также была подготовлена в 1834 г.

В труде И.Ф. Бларамберга охарактеризованы условия содержания русских пленных у чеченцев, с которыми обращались по-варварски, исключительно жестоко. Пленным торговцам, служащим и офицерам обычно надевали железный обруч на шею и железные кольца на руку и ногу и сажали их на цепь, прикрепленную к стене или дереву. Кормили плохо, спать не давали. После нескольких мучительных дней пленники писали письма, в которых сообщали цену выкупа. Если за пленника обещали выкуп, то отношение к нему изменялось в лучшую сторону (его хорошо кормили, предоставляли некоторую свободу и смотрели за тем, чтобы он не заболел). Если же пленник низшего чина или солдат, то его сразу продавали или превращали в домашнего раба. Со временем такие рабы свыкались со своей обыденной жизнью, принимали ислам. Женившись на чеченках, они навсегда оставались в горах ([Бларамберг, 2005: 354-355](#)).

И.Ф. Бларамберг ([Бларамберг, 2005: 356](#)) писал, что теперь (1834 г.) у чеченцев нет князей, так как они их постепенно искоренили. Все чеченцы равноправны; предпочтение

¹ В таких случаях несколько раз автора статьи выручали участники полевых маршрутов – жители с. Итум-Кале Султан Рамзанович Шахбулатов и Абдул-Керим Дукаев.

отдается только тем из них, кто преуспел в набегах на соседей. Вообще же, похищение – излюбленное ремесло чеченцев, определяющее их образ жизни и характер.

В кратком военно-статистическом описании Чечни И.И. Норденстамм ([Описание Чечни..., 1940: 316](#)) сообщает о том, что чеченцы при хищнических нападениях стремятся захватить пленных для того, чтобы иметь рабов, которых можно было бы использовать на полевых работах. Поэтому пленники у чеченцев считались лучшей добычей. Благодаря эксплуатации подневольного труда поддерживалось существование горских семейств.

Подобно И.Ф. Бларамбергу, И.И. Норденстамм ([Описание Чечни..., 1940: 323](#)) полагал, что у чеченцев нет и никогда не было своих князей, беков и других владетелей. Все чеченцы равны, и только личные качества и богатство способны дать преимущество. Никакой власти, кроме права сильного, чеченцы над собой не признавали.

Во второй половине XIX – начале XX вв. были изданы работы, в которых имелись разнообразные сведения по интересующей нас тематике.

Весьма обстоятельные сведения, касающиеся сословного неравенства и рабства в Чечне, приводят К. Самойлов и А.П. Берже ([Самойлов, 1855; Берже, 1859](#)). К. Самойлов полагал, что в Чечне были представлены три «сословия»: духовенство, свободные люди и рабы. Несмотря на малочисленность рабов, приобретенных покупкой и посредством пленения, их разделяли по статусу на две категории. Рабы, бывшие в неволе с давних времен и уже не помнившие своего прежнего состояния и родства, назывались лаями. Лаи представляли собой род вещи, всецело принадлежавшей своему хозяину, имевшему неограниченную власть над ними. Люди, обращенные в рабство недавно и надеявшиеся на выкуп, именовались «иессирами» ([Самойлов, 1855: 34](#)), то есть ясырями. Их положение было несколько лучшим, чем у лаев. Хозяин обращался с ясырями лучше, поскольку рассчитывал получить за них хороший выкуп. Однако лаи и ясыри личными правами не обладали и ограничить произвол хозяина не могли. Вообще же, положение рабов в Чечне К. Самойлов оценивал как чрезвычайно унижительное. Вместе с тем в Чечне происходили следующие метаморфозы: отпущенный или выкупившийся раб сразу же переходил в категорию свободных людей и пользовался всеми их правами. Нередко освобожденный раб становился членом семьи своего бывшего хозяина ([Самойлов, 1855: 34](#)). К. Самойлов не указал, были ли у чеченских рабовладельцев рабы-чеченцы.

А.П. Берже, отрицая существование в Чечне сословного разделения, характерного для европейских обществ, полагал, что чеченцы составляли один класс вольных людей и что все они – уздени, то есть люди, зависящие от самих себя. Хотя никаких признаков феодальных привилегий у чеченцев А.П. Берже не заметил, он в то же время сообщил о наличии в Чечне класса личных рабов. Класс рабов постепенно образовался в результате захвата военнопленных. Как и ранее К. Самойлов, А.П. Берже подразделял рабов на лаев (людей, забывших о своем происхождении и ставших абсолютной собственностью своего хозяина) и ясырей (людей, надеявшихся на выкуп и возвращение на родину). По мнению А.П. Берже, со временем положение лаев в Чечне стало таким же, как и в Древнем мире: оно переросло в безусловное рабство. Лай был совершенно бесправным. Хозяин имел над ним безграничную власть. Владелец смотрел на лая как на некую вещь, которую он мог продать, наказать по собственному произволу и даже убить ([Берже, 1859: 90](#)).

Жестокое обращение побуждало лаев убежать от своих хозяев под защиту сильных и уважаемых горцев. Лаи получали у них приют. Благодаря содействию авторитетных горцев владельцы давали обещание смягчить наказание лаям и быть с ними милостивее. После этого лаи по праву собственности возвращались владельцам. По А.П. Берже, рабов в Чечне отпускали на волю; тогда они и их дети обретали личную свободу. Несмотря на это, бывшие рабы не пользовались особым значением в обществе ([Берже, 1859: 91](#)).

Автор первой этнографической публикации о горцах Аргунского округа Терской области А.П. Ипполитов ([Ипполитов, 1868](#)) считал, что сословного деления у чеченцев не существует. Хотя в прежнее время в Аргунском округе имелся немногочисленный класс рабов, возникший посредством войны и действия права сильного. В рабов превращались пленные грузины из Кахетии, тушины и отчасти русские. Рабы были бесправны, их жизнь зависела от воли владельца. Однако с рабами горцы обращались весьма мягко. Если раб исповедовал ислам, то он считался, скорее, младшим членом семейства, а не бесправным рабом ([Ипполитов, 1868: 43](#)).

На плоскости Чечни, по А.П. Ипполитову, класс рабов существовал еще два года назад, хотя и в меньшем количестве, чем у кумыков и кабардинцев (Ипполитов, 1868: 44).

Ряд ценных сведений о рабах и князьях в Чечне опубликовал У.Л. Лаудаев, офицер Русской императорской армии, чеченец по происхождению, относившийся к ичкеринскому тайпу чермой¹. Характеризуя общественный быт чеченцев, У.Л. Лаудаев утверждал, что все они были равными и князей не имели. Если же среди чеченцев поселялись иноземцы высших сословий, то они теряли свое высокое статусное положение и уравнивались с чеченцами (Лаудаев, 1872: 23). Как и А.П. Берже, У.Л. Лаудаев считал, что все чеченцы – уздени, то есть свободные, вольные, независимые. Чеченцев, поселившихся на плоскостных землях кумыкских и кабардинских князей и плативших им за это дань (ясак), чеченские горцы осмеивали, и упрекали, и обзывали их лаями (холопами) (Лаудаев, 1872: 24).

У.Л. Лаудаев упоминает о тех давних временах, когда в Чечне сильные фамилии похищали или уводили насильно в неволю беззащитных людей, своих же собратьев, для продажи в рабство в дальние края (Лаудаев, 1872: 26). В Чечне тогда воцарился страшный беспредел, поэтому ичкеринцы (и частично шатоевцы) пригласили к себе мелардоевских (мехельтинских) князей, происходивших от боковой ветви аварских ханов, княживших в Гумбете². Жители Большой Чечни пригласили к себе кумыкских князей, а Малой Чечни – кабардинских князей. Однако навести порядок в Чечне при содействии «нейтральных» посредников – иноземных князей – не удалось. Князья приступили было к исполнению своих функциональных обязанностей, но чеченцы, не привыкшие к власти над собой, не исполняли княжеских повелений. Например, вследствие того, что чеченские фамилии защищали своих виновных сочленов, князья не могли наказать их за содеянное. Не имея реальной власти, князья покинули Чечню. Повиновение князьям (да и то, скорее всего, номинальное) сохранилось только в Надтеречной Чечне (Лаудаев, 1872: 26).

Отвергая существование холопского сословия в Чечне, У.Л. Лаудаев вместе с тем отмечает, что холопы в Чечне появились позднее, чем у соседних народов. В отличие от К. Самойлова и А.П. Берже, У.Л. Лаудаев указывает, что рабы в Чечне составились не только из числа иноземных пленников. Чеченцы похищали или уводили силой слабых людей как из соседних племен, так и своих соотечественников, а затем продавали плененных за деньги или меняли на других холопов. Бесправные невольники именовались «ясырями» (Лаудаев, 1872: 52). Важно также отметить, что У.Л. Лаудаев называет и другие способы получения рабов. По причине частых неурожаев некоторые чеченские семейства, чтобы избежать голодной смерти всех своих членов, продавали или обменивали на хлеб одного своего члена. Нередко происходило так, что проданный член семейства не был выкуплен обратно и на всю жизнь оставался рабом. Чеченские семейства отдавали своих сородичей в рабство и в случае, если не могли вовремя вернуть долг. Наконец, захваченные на войне пленники тоже обращались в рабство (Лаудаев, 1872: 52).

Вопреки К. Самойлову и А.П. Берже, писавшим о чрезвычайно унижительном и бесправном положении рабов в Чечне, У.Л. Лаудаев утверждал, что чеченцы, как уздени, не отказывали в равенстве и своим холопам. Равенство свободных чеченцев и их холопов

¹ Здесь необходимо сказать, что тайп/тейп – крупная структурная этническая единица чеченского народа. Каждый тайп состоит из гаров (существует разное написание – гIар, гьар, гьар). На наш взгляд, синонимами гара в разных частях Чечни являются: некъе/накъа, например, у беноевцев имеются Жобба-некъе, Уонжби-некъе, Иасти-некъе, Ати-некъе, Чупал-некъе, Очи-некъе, Добвши-некъе, Эди-некъе и Гьуржмахкахой (Хожаев, 1993: 6); у нашхоевцев Борчашвили, живших в ауле Муцо (= Маск) в Хевсуретии, были Керчи-накъа, Мёсэг-накъа, Тунги-накъа; гор (у майстинцев – Бях-гор, Говр-гор, Нецин-гор, Дэркиз-гор, Массар-гор, Бахиг-гор, Мёдзиг-гор, Эжиг-гор, Дяк-гор, Мути-гор и др.); вяр (ваьр/ваър) и наькъан – у ингушей. Гары образуются из родственных семейств (цIа/цъа). Чеченские тайпы, населявшие смежные территории в горах и взаимосвязанные не только торговым обменом, но и оборонительным взаимодействием и кровнородственными узами (поскольку брали жен из соседних тайпов), объединялись в тукхумы. Чеченские тайпы, входящие и не входящие в тукхумы, образуют къам (весь народ).

² Как поясняет У.Л. Лаудаев, Гумбет по-чеченски – Меларды (Лаудаев, 1872: 26). Мелардой и поныне живут в Чечне. Например, в Надтеречном районе. Нам также известно, что жена одного из старейших жителей с. Ведено Соты Селимова (он из хорочойского тайпа, Чокуй-некъе) относилась к этнической группе мелардой (записано 30.08.1986 г. в райцентре Ведено).

У.Л. Лаудаев доказывал следующими примерами. Холопы у чеченцев жили в домах своих хозяев, пользовались их пищей и обувью. Хозяин и холоп почти всегда вместе трудились. Вообще, у чеченцев холопы были почти равны с народом, и от других жителей Чечни они отличались только наименованием лай (раб) (Лаудаев, 1872: 52).

В труде Ф.И. Леонтовича об адатах кавказских горцев, в главе о происхождении чеченцев, рассмотрено разделение чеченского народа на классы (Леонтович, 1883: 80–81). Судя по всему, при подготовке материала о классовом делении чеченцев Ф.И. Леонтович опирался на данные, опубликованные А.П. Берже (Берже, 1859: 90–91).

Краткий, но ценный эпизод из древней жизни верхнеаргунских горцев сохранил для истории Н.А. Худадов в работе о хевсурах (Худадов, 1890: 66). Он передал слова 60-летнего хевсура (из рода алудаури) Абуле Тотиашили о том, что в Аргунском округе еще до арагвского эристава Зураба жил жестокий князь, пользовавшийся правом трех первых брачных ночей¹. Князя этого обманым путем убил предок Абуле Тотиашили, бежавший из Осетии в Аргунский округ от преследования кровомстителей.

Рассказ А. Тотиашили содержит чрезвычайно важное упоминание об арагвском эриставе Зурабе, благодаря которому можно приблизительно определить период, когда в Верхнеаргунском регионе Чечни жил жестокий князь. По С.И. Макалатия (Макалатия, 1940: 25–27), арагвский эристав Зураб в 1619–1629 гг. совершил три похода против хевсур и оставил у них о себе весьма недобрую память. Когда в 1629 г. Зураб был убит грузинским царем Теймуразом I, смерть ненавистного эристава весьма обрадовала хевсур. Поскольку имя эристава Зураба стало широко известным у хевсур в период их героической борьбы с войском эристава, следует полагать, что жестокий князь жил во втором десятилетии XVII в. (если быть точнее, до 1619 г.).

Участник войны с имаматом Шамиля, генерал от инфантерии М.Я. Ольшевский в своих воспоминаниях затронул вопросы общественной жизни чеченцев. Подобно А.П. Берже и У.Л. Лаудаеву, М.Я. Ольшевский считал, что у чеченцев отсутствовали сословные подразделения и что у них не было князей, и даже не было «... старшин или почетных людей, пользующихся особыми правами и преимуществами, или облеченных властью. Между чеченцами все были равными» (Ольшевский, 1893: 91). Тем не менее в труде М.Я. Ольшевского сказано о наличии рабов в Чечне. Однако мнение генерала об условиях содержания рабов у чеченцев в корне отличалось от приведенного выше мнения У.Л. Лаудаева. По М.Я. Ольшевскому, несмотря на равноправие, бывшее среди чеченцев, у них находились несчастные люди, «...с которыми обращались они хуже скотов, – это были лаи или пленники, собственность и жизнь которых была в полном безграничном распоряжении того чеченца, в руки которого попадался пленник при захвате или поступал во владение после продажи» (Ольшевский, 1893: 91). Продолжая далее, М.Я. Ольшевский писал, что лаев использовали на тяжелейших работах, держали в смрадной яме на цепи и страшно истязали, независимо от того, были ли они христианами или мусульманами. От страшных мучений лаи могли спастись в двух случаях: если хозяин получит за них требуемый выкуп и если лаи женятся на чеченках (последнее случалось крайне редко). Пленниц чеченцы делали своими наложницами, а иногда и женами.

Как и многие предшествующие исследователи, Е.Д. Максимов также считал, что у чеченцев не было сословных групп и что они одинаково равны, свободны и независимы. Личные рабы образовывались за счет военнопленных, схваченных на войне или во время хищнических набегов. Класс личных рабов, со временем подразделившийся на лаев и ясырей, был немногочисленным. Различие между лаями и ясырями Е.Д. Максимов видел в степени зависимости от хозяина и объеме прав хозяина над этими рабами. Поскольку во второй половине XIX в. различие между лаями и ясырями почти исчезло, их занесли в категорию совершенно бесправных и по решению Чеченского окружного народного суда

¹ Разумеется, что Аргунский округ, как административно-территориальная единица Российской империи, в те отдалённые исторические времена не существовал. Заметим также, что в Аргунский округ Терской области Российской империи не входили Малхистинское и Майстинское этнические общества Чечни, расположенные на границе с Хевсуретией. Тем не менее, у нас нет сомнения в том, что рассказ А. Тотиашили относится к Малхистинскому этническому обществу.

освободили на условиях выкупа личной свободы, но без земельного надела. В апреле–мае 1867 г. в Чечне освободелось 338 рабов обоого пола (Максимов, 1893: 33-34).

Посетившая Верхний Чеберлой А.Е. Россикова опубликовала рассказы местных жителей о князьях и рабах (Россикова, 1895). По их утверждению, в Чеберлое никогда не было ни князей, ни рабов. Все чеченцы составляли один класс вольных людей, а значение каждого члена в обществе определялось храбростью, ловкостью и индивидуальной силой. Однако далее, из предания об основании с. Буни, мы узнаем, что все чеберлоевцы некогда платили дань хунзахскому (аварскому) князю (Россикова, 1895: 35-36). Получается, что «вольные люди» в прошлом находились в вассальной зависимости от аварского князя.

Появление в Чеберлое особого класса личных рабов (холопов, иначе кулов) А.Е. Россикова связывала с постоянными войнами и набегами, в ходе которых захватывались военнопленные. Кулы являлись неотъемлемой собственностью своего хозяина, который мог с ними делать все, что угодно. Вольноотпущенный холоп переходил в класс вольных людей и становился равноправным с ними, но, будучи безродным и не имея фамилии, он не приобретал того значения, которым пользовался коренной чеченец (Россикова, 1895: 36). Отпущенным на волю рабам в Чеберлое отводилась земля на месте старых кладбищ. Таким образом, например, возникло с. Цикарой (Россикова, 1895: 37).

В ущелье р. Шаро-Аргун А.Е. Россикова записала предание, свидетельствовавшее о том, что в прошлом все шароевские фамилии (за исключением фамилии Цогала) платили дань какому-то князю, жившему с ними по соседству (Россикова, 1895: 50).

Горные территории в верховьях р. Гехи, населенные чеченскими тайпами аькхий и галай, посетил М.А. Иванов (Иванов, 1902). Делая обзор истоков р. Аккихи (= Аккичу), он писал о том, что здесь на возвышенных местах разбросаны каменные сакли. Почти все из них группировались вокруг старинных башен, которыми изобиловала эта местность. В отдаленные времена местность эта служила ареной бесконечных распрей и междоусобиц горских племен и набегов отрядов удальцов (Иванов, 1902: 286). О том, что в прошлом нечто подобное (страшный беспредел, похищения своих собратьев) происходило в Чечне, мы уже знаем из работы У.Л. Лаудаева (Лаудаев, 1872: 26). Позднее о набегах и грабежах, происходивших между различными чеченскими родами, писал в монографии о горных чеченцах Н.С. Иваненков (Иваненков, 1910: 151).

М.А. Иванов (Иванов, 1902) приводит краткие сведения об одном набеге из Чечни на ингушские племена. Один из потомков знаменитого Хан Меда, живший в башнях аула Зенгили¹, погиб со своими 4 сыновьями и всеми воинами во время этого набега. В живых остался только младший сын Сулда Вениг. Влиятельные в горах, гордые и высокомерные галанчождцы, приглашенные в Зенгили на поминки, решили воспользоваться несчастьем и слабостью зенгилойцев и подчинить своей власти молодого Сулда Венига. В ответ на приветствие матери Сулда Венига, почтительно встретившей галанчождцев с громадным сосудом пива и предложившей его попробовать, один из них толкнул ногой и опрокинул сосуд. Сулда Вениг видел из башни, как галанчождцы оскорбили его мать, но она удержала сына от мести. После окончания поминок Сулда Вениг исчез. Галанчождцы, понимая свою вину, целый год были готовы отразить нападение Сулда Венига, но потом забыли о нем и мало-помалу успокоились. Тем временем Сулда Вениг находился в гостях у друга своего отца, кабардинского князя. Прожив у князя три года, Сулда Вениг с его помощью создал в Кабарде боевую дружину, с которой незаметно пробрался в родные горы. Внезапно напав на аул Эйселишк (часть аула Галанчожд. – Авт.), где жили оскорбители его матери, воины Сулда Венига перебили всех жителей (не тронули только семью пастуха, который проявил сочувствие к матери Сулда Венига) (Иванов, 1902: 295).

Предание о потомке Хан Меда (которого, надо полагать, звали Сулдой) и младшем сыне Вениге небезынтересно в связи с тем, что оно свидетельствует о практике набегов из Чечни в Ингушетию. Главной добычей при таких набегах являлись пленники, которых в случае не выкупа, превращали в рабов. Кроме того, это предание повествует и о том, что в древности чеченцы (конкретно, аккинцы) для решения проблем, возникавших со своими

¹ Аул располагался на левом берегу р. Осухи (= Галай-хи), на тропе из аула Галанчожд к истокам Аккихи и далее в Ингушетию (в Цори). Рядом с Зенгили находились аулы Бицы и Кереты.

соотечественниками, привлекали иноземную военную силу. Подобное же явление было зафиксировано нами и в предании об Итоне (см. ниже предание от 12.06.1979 г.).

Наконец, в предании о Гаже, представителе сильного рода, М.А. Иванов сообщает следующее: Гаж являлся владельцем неприступной крепости, встроенной в обрывистый южный склон Скалистого хребта в том месте, где начинается узкая часть ущелья Аккихи. В эту крепость можно было попасть только по деревянным мосткам, сделанным между скалами, и по искусственным каменным устоям. Пользуясь защитой такой крепости, Гаж брал ясак со всех иноплеменников, проходивших по ущелью Аккихи и всей территории Аькхийн Мохк. Со всех путников за безопасный проход Гаж требовал дань в виде одного барана, заряда пороха и пули (Иванов, 1902: 285). Как мы убедимся ниже, аналогичный обычай существовал и в других частях гор Чечни и Ингушетии.

Ценные факты по интересующей нас тематике опубликовал Н.С. Иваненков, который много общался с аргунскими горцами во время проведения полевого культурно-экономического обследования Чеченского района нагорной полосы Терской области (Иваненков, 1910). В частности, Н.С. Иваненков сообщает, что для наведения порядка в Чечне и защиты этой страны от нападений кабардинцев и кумыков чеченцы пригласили из Дагестана князей Турловых¹ с военной дружиной, которые решили задачи, поставленные чеченцами. Однако чеченцы «...стали тяготиться их властью, и Турловы вынуждены были удалиться из страны в конце XVIII столетия» (Иваненков, 1910: 6).

Н.С. Иваненков записал фамильное предание жителей аула Тундухой в Верхнем Чеберлое. По словам 75-летнего Дарго Ильясова, его прямой предок Сурак-хан вышел из рода грузинского царя Ираклия. Джайлийский (дагестанский) князь пытался наложить дань на Сурак-хана и воевал с ним, но безуспешно².

Со слов 80-летнего Хецика Н.С. Иваненков записал предание о сильном и знатном человеке по имени Бирач, жившем в башнях аула Кирды (по-чеченски КИрда бIаьвнаш или КИрдхой бIаьвнаш; по-русски – Три Башни)³, расположенного вблизи от впадения р. Никарой-ахк (= р. Бара) в р. Чанты-Аргун. В те времена, когда жил Бирач, оружием служили луки и стрелы. Бирач брал дань с майстинцев и малхистинцев⁴. Н.С. Иваненков сообщает имена предков старика Хецика: Бирач (выходец из Грузии), Бичи, Аржолик, Эда, Тилло, Каи-Карк, Алхазурк, Аказак, Акай, Цоцарк. Потомки Бирача – терлоевцы – заселили бассейн р. Никарой-ахк 20 селениями (Иваненков, 1910: 12-13, 150).

В труде Н.С. Иваненкова содержится ценное свидетельство о том, как чеченские горцы жили в древности: «Чеченцы рассказывают о таком периоде своей жизни, когда царили набеги и грабежи как между родами одного племени, так и между разными племенами. Убивали друг друга и брали в плен; воровали скот; пленных, если не успевали выкупить их родные, продавали в рабство» (Иваненков, 1910: 151). Подчеркнем, что это второе (после У.Л. Лаудаева) указание, встреченное нами, о наличии в далеком прошлом у чеченцев рабов, взятых не только у иноплеменных соседей, но и у самих чеченцев.

В советское время были изданы работы, в которых с разной степенью детальности затрагивалась проблематика сословного неравенства (в том числе связанная с наличием рабов и князей) у чеченцев и ингушей (Яковлев, 1925; Семенов, 1928; Ошаев Х., 1928, 1930; Мамакаев, 1936, 1973; Ошаев М., 1966; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР..., 1967;

¹ Переселение феодалов Турловых из Аварии в Чечню произошло в первой половине XVII в. На плоскости Чечни, по нижнему течению р. Аргун, Турловы образовали самостоятельное владение (История народов Северного Кавказа..., 1988: 295).

² Н.С. Иваненков приводит поименный список предков Д. Ильясова: Сурак-хан, Сарка, Хольчи, Ашиль, Мирза, Магомет, Тел, Хунул, Ильяс – и сообщает, что имам Шамиль казнил отца и брата Дарго и 13 других его родственников за знатное происхождение (Иваненков, 1910: 11).

³ По информации терлоевца Хамида Магомедовича Батаева, строителями КИрда бIаьвнаш были майстинцы, отец и сын (записано 11.09.1987 г.).

⁴ В свое время автор настоящей статьи исходил всю эту местность вдоль и поперек. Башенный аул Кирды располагался на скалистой и обрывистой горе. Через седловину этой горы, мимо башен Кирды, в верховья Чанты-Аргуна (в Майстинское, Кейское и Малхистинское этнические общества и Хевсуретию) вела единственная конно-пешеходная (вьючная) тропа. В старину, как передавали нам горцы, владельцы башен Кирды за проход по этой тропе брали дань со всех путников. Как мы увидим позже, подобное же происходило и в горах Ингушетии (Яковлев, 1925: 99).

Харадзе, Робакидзе, 1968; Тотоев, 1969; Крупнов, 1971; Гриценко, 1976; Дахкильгов, 1978; Умаров, 1980; Сказки, сказания и предания..., 1986; История народов Северного Кавказа..., 1988; Кокурхаев, 1989; Великая, Виноградов, Хасбулатова, Чахкиев, 1990).

Рассмотрим и обсудим сперва работы о чеченцах. Так, в краеведческом очерке о Горной Чечне Х.Д. Ошаев упоминает об общенародном собрании выборных старейшин родовых общин на горе Кетиш-Корт (в Ичкерии), которое приняло решение об изгнании из Чечни иноземных князей Турловых¹ и постановило, что отныне в Чечне не будет ни князей, ни рабов, а все чеченцы – уздени, то есть вольные благородные люди (Ошаев, 1928: 8). Приведенная информация свидетельствует о том, что Х.Д. Ошаев не отрицал существования в Чечне рабов и князей в период, предшествовавший изгнанию князей Турловых. В другой работе, посвященной малхистинцам, населявшим верховья Чанты-Аргуна на самой хевсурской границе, Х.Д. Ошаев опубликовал предание о князе (Ошаев, 1930: 64-65). Жестокий князь, владетель поселения Цой-Педе (Цайн Пхьеда) в Малхисте, обладал необыкновенной силой, ловкостью и храбростью. Население боялось и терпело князя, установившего в Малхисте уничижительное правило: каждый женящийся горец обязан был привести свою невесту на первую брачную ночь в башню князя. Однако один пастух отказался подчиниться этому правилу и привести свою невесту на первую ночь к князю. Обманув князя, пастух отрубил ему шашкой голову.

Ценность народного предания, обнародованного Х.Д. Ошаевым², заключается в фиксации факта существования князей у верхнеаргунских горцев. Предание знакомит нас с некоторыми княжескими привилегиями (право первой брачной ночи). Несомненно, что предания, записанные Х.Д. Ошаевым и Н.А. Худадовым, повествуют об одном и том же историческом событии в жизни верхнеаргунских горцев. Только Н.А. Худадов сообщает о княжеском праве трех первых ночей, а Х.Д. Ошаев – лишь о первой брачной ночи. Данное противоречие мы склонны разрешить в пользу Н.А. Худадова. Дело в том, что 15.02.1988 г. в урочище Шунды (верховья Чанты-Аргуна) чабан Шахболт Борчашвили поведал нам предание о князе («эл») Лепи Сепи – физически мощном человеке, жившем в Малхисте и обладавшем правом первых трех брачных ночей. По словам Ш. Борчашвили, князя Лепи Сепи убили и похоронили его около тропы на спуске с седловины Цой-Педе в ущелье р. Мешехи (на могиле князя якобы до сих пор лежит раздвоенная каменная плита).

Автор одной из первых работ о чеченском тайпе М.А. Мамакаев писал о чеченских «князьках» как вожаках отдельных тайпов и наиболее видных представителях сильных и крупных тайпов, завладевших значительными земельными площадями, в результате чего самые слабые и малочисленные общины были сильно ущемлены (Мамакаев, 1936: 62).

Сообщая об остром социальном конфликте, вспыхнувшем между падхароевским Итоном Жели и Усуром Тусхароевским, М.А. Мамакаев (Мамакаев, 1936: 62) приводит рассказ бавлоевского старика Эгиша о событиях, произошедших примерно в 30–50-х гг. XVIII в. долине Чанты-Аргуна в окрестностях современного с. Итум-Кале. В результате победы бывших угнетенных (падхароевцев) над своими угнетателями (во главе с Усуром Тусхароевским) побежденные лишились части земель, а жившие на них горские фамилии стали лаями (рабами) победителей, занявших княжеское положение (критический разбор этого исторического события сделан нами дальше)³. В рассказе «Битва Чокала» о набеге майстинской боевой дружины «гера» (ghera) в Тушетию М.А. Мамакаев (Мамакаев, 1936: 63) сообщает, что 18 захваченных Чокалом пленников были использованы для обработки земельных участков и выполнения черных хозяйственных работ. Подобная практика пленения людей, по М.А. Мамакаеву, являлась исторической предпосылкой к рабству.

При полевом обследовании средневековых историко-архитектурных памятников в бассейне р. Терлой-Ахк (местное название реки – Терлойн-эрк, на картах она подписана как Бара) археолог М.Х. Ошаев записал чеченское предание, в котором упоминается Берк Бич (Ошаев, 1966: 156-158). Безусловно, Берк Бич есть тот самый сильный и знатный человек,

¹ Напомним, что, по сведениям Н.С. Иваненкова, изгнание князей Турловых из Чечни произошло в конце XVIII в. (Иваненков, 1910: 6).

² Х.Д. Ошаев – чеченец-краевед, большой знаток истории родного края. В отличие от ичкеринца У.Л. Лаудаева, Х.Д. Ошаев принадлежал к шатоевскому тайпу хаккой (хьаккой).

³ Рассказ старика Эгиша М.А. Мамакаев привел и в другой своей работе (Мамакаев, 1973).

которого Н.С. Иваненков именовал Бирач Бичи (эти имена искажены; их верное написание Берк Бич. – Авт.). Бирач, как нам известно, переселился из Грузии, построил КИрда бIаьвнаш и имел сына Бичи (Иваненков, 1910: 12-13). Предание о терлоевцах М.Х. Ошаев записал в июле 1964 г. со слов 32-летнего жителя с. Итум-Кале (то есть, чантийца по тайпу) Товси Сулейманова. Согласно преданию, очень давно в теперешний ТПерлойн Мохк пришел из Осетии человек по имени Элди Талат. Он поселился в местечке, которое получило название «Эль-Пхья» (более точное название – Элди-Пхья. – Авт.). Элди Талат построил 3 боевые башни и стал здесь жить. Другой человек по имени Берк Бич построил боевые башни КИрда бIаьвнаш. Элди Талат и Берк Бич мирно уживались до тех пор, пока Элди Талат не умыкнул жену сына Берка Бича. В стычке между сыном Берка Бича и Элди Талатом ранение пашкой получил сын Берка Бича. Опасаясь мести, Элди Талат, выезжая по делам в нужные места, набивал лошади подковы навыворот, чтобы оставались следы, ведущие к его дому. Перед выездом к дому, он перебивал подковы в обратную сторону.

Однажды Элди Талат встретил жену Берка Бича, которая не знала его в лицо. От нее Элди Талат узнал, что сын Берка Бича находится в тяжелом состоянии. Тогда Элди Талат посоветовал приложить к ране сына свежий помет жеребца. Берк Бич догадался, что этот совет дал Элди Талат. Схватив лук и стрелу, Берк Бич помчался за Элди Талатом. Догнав его, выпустил стрелу. Но Элди Талат подпрыгнул в седле, и стрела его не задела.

Согласно преданию, выходец из Осетии Элди Талат является родоначальником той части терлоевцев, которая населяла аул Элди-Пхья и некоторые другие аулы, включая аул Шунды¹. Переселившийся из Грузии Берк Бич считается родоначальником другой части терлоевцев, населявшей аулы КИрда бIаьвнаш, Бассахья, Гезах, Кхенах, Никарой и др.

М.Х. Ошаев записал также предание, рассказывающее о переселении в ТПерлойн Мохк выходцев из Осетии, со слов 34-летнего терлоевца Абу Джамалдаева, уроженца аула Сени (Ошаев, 1966: 157-158). В страну ингушей пришли осетины и стали там мирно жить. Они переженились и обынгушились. Один из них как-то искал пропавших коров и дошел до местечка, известного нынче как Эль-Пхья (Элди-Пхья). Здесь он решил остановиться и поселиться. Построил на холме две башни. У него родилось пятеро сыновей. Повзрослев, четверо из них ушли в разные места на жительство, где основали новые аулы: Джелашки, Сени, Барой (БархIа), Ути (Уьйтта). Пятый сын остался с отцом в Элди-Пхья. Все потомки, произошедшие от смешения осетин и ингушей, называются махлой (мохлой). Рассказчик предания А. Джамалдаев тоже считал себя махловцем по происхождению.

Первое предание, записанное М.Х. Ошаевым со слов Т. Сулейманова, информирует нас о том, что во времена Берка Бича и Элди Талата и постройки башен КИрда бIаьвнаш, в горах Чечни еще были в ходу луки и стрелы. В пересказе этого предания Берк Бич как князь не фигурирует. Второе предание, записанное со слов А. Джамалдаева, упоминаний о знатном владельце КИрда бIаьвнаш не содержит.

В главе «Развитие феодальных отношений в Чечено-Ингушетии», помещенной в «Очерках истории...» (1967), применительно к периоду XVI–XVII вв. упоминается о захвате пленных для обращения их в рабство и продажи (Очерки истории Чечено-Ингушской АССР..., 1967: 54). По мнению авторов «Очерков истории...» (1967), чеченские бяччий (баьччий – военные предводители, вожди. – Авт.) со своими боевыми дружинами захватывали скот, имущество и пленные люди. Именно пленные составляли основной контингент рабов. Однако рабство в Чечне и Ингушетии не вышло из стадии домашнего (патриархального), хотя оно и обогащало военных лидеров и сильные горские фамилии (Очерки истории Чечено-Ингушской АССР..., 1967: 56). В «Очерках истории...» (1967) говорится о межчеченских войнах за пахотные и пастбищные земли, сопровождавшихся убийством чеченцами друг друга, и о продаже пленных соотечественников в рабство. В

¹ Осетинское происхождение шундинцев подтверждает Г.А. Саламов, уроженец высокогорного тагаурского аула Какадур, работавший в 20–30-е гг. XX в. оперуполномоченным по борьбе с бандитизмом в Чечне. Однажды Г.А. Саламов по пути из Галанчожского района посетил аул Шунды, жители которого встретили его гостеприимно. В ауле он осмотрел башню, при входе в которую на камне был высечен крест. В башне находились цепи – в них заковывали пленников. Шундинцы говорили, что они переселенцы из Осетии. Г.А. Саламову запомнилось, что в быту шундинцев было что-то не чеченское (из письма Г.А. Саламова от 28.04.1994 г.).

результате межродовых войн бабччий превращались в феодализирующуюся верхушку. Владельцы использовали рабов в домашних хозяйствах как бесплатную рабочую силу, покупали или продавали их как товар. Все эти явления свидетельствовали о социальном неравенстве и указывали на классовый характер горского общества (*Очерки истории Чечено-Ингушской АССР...*, 1967: 62).

Пожалуй, первой специальной работой, посвященной теме рабства и работорговли в Чечне, стала публикация осетинского кавказоведа Ф.В. Тотоева (*Тотоев, 1969: 185-197*). В постсоветский период эта небольшая статья была переработана в содержательную главу о рабстве и рабовладении в монографическом исследовании (*Тотоев, 2009*). В статье Ф.В. Тотоева содержится важное замечание о том, что в Чечне не всегда можно было отделить рабов от людей, состоявших в феодальной зависимости, так как чеченцы нередко любую форму зависимости именовали лайской (*Тотоев, 1969: 194*).

В переизданной книге М.А. Мамакаева о тайпах содержатся сведения о князьях и рабах в Чечне (*Мамакаев, 1973*). Так, именно в этой книге встречается первое в научной литературе упоминание имени малхистинского князя, который обладал правом первой ночи с каждой невестой, – Сепя (по изустному преданию, он был известен нам как Лепи Сепи). Кроме того, М.А. Мамакаев упоминает еще об одном князе Муцале, который заставлял жителей Цой-Педде содержать его скот¹. Ссылаясь на данные архивного фонда Чеченского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (1933 г.), М.А. Мамакаев утверждает, что дишнийского (тусхароевского) тайпового предводителя (тайпанан хьалханча) звали Усуром (*Мамакаев, 1936: 62; 1973: 36, 46*).

Передавая предание о борьбе итумкалинцев с дишнийским предводителем Усуром (по изустному преданию нам он был известен как «дишний эл», то есть дишнийский князь), записанное со слов бавлоевского старика Эгиша, М.А. Мамакаев повторяет многие фактические ошибки, допущенные этим горским старожилом (будучи представителем «стороннего» тайпа Бавлой, он мог не знать многие детали). В ошибочности ряда фактов нас убеждает предание, записанное 12.06.1979 г. в с. Итум-Кале (см. ниже).

Можно согласиться с М.А. Мамакаевым в том, что в последней четверти XVIII в. (и, скорее всего, даже раньше) крупнейшими землевладельцами в верховьях р. Чанты-Аргун были дишнийцы и что «падхароевцы» (падгуроевцы) пасли дишнийский скот. Однако восстание против дишнийцев поднял не Жели², а его отец Итон-младший. После победы над дишнийцами «падхароевцы» якобы захватили огромную земельную территорию и «...основательно потеснили тусхароевцев, харачоевцев, зумсоевцев и других. Сами заняли княжеское положение, а безземельных Бачаговых и Цацахоевых сделали рабами (лаями) известных вожаков Падхароевых и Кимиевых» (*Мамакаев, 1973: 46*).

Рассмотрим с критических позиций сведения, опубликованные М.А. Мамакаевым. Бесспорно, что, победив дишнийцев, Итон-младший и его соратники закрепили за собой часть земель, принадлежавших тусхароевцам. Но непонятно, причем здесь хачароевцы (именно так!) и зумсоевцы – представители соседних тайпов, с которыми не существовало конфронтации. Бачаговы и Цацахоевы, следует полагать, – жители дишнийских аулов Бечиги (= Бечик) и Цацах, расположенных по обеим сторонам долины Чанты-Аргун. Неясно, почему Бачаговы и Цацахоевы сделались безземельными. Ведь их долинные земли по условиям рельефа наиболее благоприятны для обработки, а «падхароевцы» их земли не захватывали. По крайней мере предание об Итоне, основателе с. Итум-Кале (см. ниже запись предания от 12.06.1979 г.), не содержит упоминаний о захвате земель Бачаговых и Цацахоевых и обращении их в лаев, как и о приобретении «падхароевцами» княжеского статуса. Наконец, в урочище, известном в наше время под названием Нанаг-кеш, вопреки М.А. Мамакаеву, не были похоронены участники «...знаменитой битвы падхароевцев против дышнинцев» (*Мамакаев, 1973: 46*).

Несмотря на очевидные фактические ошибки, отдельные непонятные и спорные детали, М.А. Мамакаев опубликовал в книге о тайпах немало редких и ценных сведений о

¹ Называя этих горских чеченских князей, М.А. Мамакаев в то же время пишет, что первые князья по происхождению не являлись чеченцами (*Мамакаев, 1973: 56*). Очевидно, М.А. Мамакаев имел в виду не горную, а предгорно-плоскостную часть Чечни, где одно время правили князья-иноземцы.

² М.А. Мамакаев относит Жели к падгуройскому гару, что, на наш взгляд, неправильно.

князьях и рабстве у горных чеченцев. В частности, ему было известно о противостоянии «...владельцев вожаков кирдоевцев...» (то есть терлоевского князя, владевшего аулом Кирды) с жителями зависимого аула Никарой. Знал М.А. Мамакаев и о знаменитом среди верхнеаргунских горцев Жокале¹, предводителе майстинской боевой наездной дружины (называемой по-чеченски гГерой/гГери/гГера) (Мамакаев, 1973: 47-48, 52). М.А. Мамакаев ввел в краеведческую литературу древнее чеченское понятие гГерой (по преданиям нам оно было известно как гГерахой). ГГерахой – боевые дружины, специализировавшиеся на взятии в плен людей с целью получения выкупа, обращения в рабство или продажи.

М.А. Мамакаев справедливо замечает, что без применения насилия нельзя было из свободного человека сделать раба. Вслед за такими исследователями, как У.Л. Лаудаев, Н.С. Иваненков и авторы «Очерков истории...» (1967), М.А. Мамакаев утверждал, что рабовладение в Чечне формировалось и путем обращения в рабство местных жителей. Как в Чечне, так и в Ингушетии довольно успешно развивалось «ремесло», связанное с пленением людей и их продажей в рабство. Продавали и дарили в основном сирот, детей и прочих незащищенных людей. В отличие от всех предшествующих исследователей, М.А. Мамакаев поименно назвал чеченцев, продававших в рабство других чеченцев, и указал имена лаев чеченского происхождения (по материалам, собранным в Чеченском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы) (Мамакаев, 1973: 49-50).

Суммируя сведения о рабстве, М.А. Мамакаев (Мамакаев, 1973: 51) заключил, что в Чечне оно не достигло своего расцвета и в развитую социально-экономическую систему не переросло, так и оставшись на пути младенческого развития.

Изучением рабства и рабовладения в Чечне и Ингушетии (XV – первая половина XIX вв.) специально занимался Н.П. Гриценко (Гриценко, 1976). Он придерживался той же точки зрения, что и У.Л. Лаудаев, Н.С. Иваненков, М.А. Мамакаев, по поводу наличия в Чечне не только рабов из иноземных пленников, но и из числа самих чеченцев.

Время появления рабства в Чечне из-за отсутствия письменных источников точно неизвестно. По косвенным данным, Н.П. Гриценко предположительно определяет время появления рабства XV в. (или несколько ранее) (Гриценко, 1976: 282). Как полагает Н.П. Гриценко, в Чечне в XIV–XVII вв. происходило имущественное расслоение общества, а раннефеодальные отношения зародились в XV–XVI вв. Патриархальное рабство возникло в период разложения в Чечне первобытнообщинного строя и формирования классового общества (Гриценко, 1976: 281-282).

Как и М.А. Мамакаев, Н.П. Гриценко публикует конкретные примеры продажи в рабство чеченцами других чеченцев. В частности, один чеченец продал в рабство чеченку другому чеченцу обманным способом, сказав этой чеченке, что выдаст ее замуж. Другую чеченку украл еще один чеченец. Эту чеченку несколько раз перепродавали, пока она не попала к царскому прапорщику Дударову, который при женитьбе своего сына отдал чеченку вместо калыма в Кабарду. В 1859 г. многострадальную женщину возвратили в родной аул. Чеченца Муссу Чантиева (он же Докаев) продали за 150 рублей в Осетию. Он более 20 лет пробыл в рабстве и только в 1862 г. получил долгожданную свободу (Гриценко, 1976: 288-289, 291-292). Добавим к этим примерам Н.П. Гриценко свидетельство Н.П. Тульчинского (Тульчинский, 1903: 167) о том, что ему довелось самолично видеть в ауле Куркужан, находившемся в Баксанском ущелье, старика-чеченца, бывшего пленного холопа, получившего фамилию Чеченов.

Н.П. Гриценко приводит также свидетельство казачки о жизни в чеченском плену. Она говорила, что держали ее свободно. Днем работала в поле. На ночь надевали на ноги конские кандалы. Спала с дочерью хозяина (Гриценко, 1976: 294). Свидетельство казачки в определенной степени напоминало утверждение У.Л. Лаудаева о том, что чеченцы не отказывали в равенстве своим холопам (Лаудаев, 1872: 52). Н.П. Гриценко отмечает, что в случае благорасположения хозяина к лаю, последний лет через 15 мог обзавестись домом, семьей, хозяйством и даже землей. Питался лай наравне со всеми, но за общий стол ему

¹ По объяснению Шамиля Борчашвили, 1930 г. рождения, нашхоевца, уроженца с. Муцо, самыми почетными людьми в горах являлись Дэркизан Джокол (из Майстинского общества), Эзди (из Кейского общества) и Амигуд (из Цоринского общества) (записано нами 24.03.1980 г.).

садиться было нельзя. Жизнь лая всецело принадлежала хозяину, и он мог с ним делать все, что угодно: продать, покалечить, убить (Гриценко, 1976: 294).

В целом Н.П. Гриценко заключил, что в Чечне и Ингушетии рабовладельческая общественно-экономическая формация четко не сформировалась. В отличие от развитого рабства в античном мире, в Чечне и Ингушетии сложилось патриархальное рабство. Само появление рабства свидетельствовало о существовании социального неравенства и начале процесса классового образования в горском обществе. В конце XVIII – первой половине XIX вв. положение лаев в Чечне и Ингушетии приблизилось к положению крепостных крестьян во внутренних губерниях России, а в 1867 г. рабство в Кавказском крае было официально отменено (Гриценко, 1976: 279, 295, 298).

Незадолго до официальной отмены рабства в Кавказском крае, а именно в 1863 г., по сведениям А.С. Вартапетова (Вартапетов, 1932), число рабов от всего населения Чечни составляло 0,5 %, а от всего населения Ингушетии – 1 %.

Специалист по фольклору чеченцев и ингушей И.А. Дахкильгов исследовал немало преданий и песен, в которых говорилось о социальном неравенстве и антифеодальной борьбе. Согласно И.А. Дахкильгову, в Средневековье у чеченцев и ингушей существовало патриархальное рабство, основными источниками которого являлись военнопленные и украденные. Патриархально-родовое общество находилось в стадии разложения. В конце Средневековья начал проявляться процесс феодализации, но он не получил классические, законченные формы и прекратился в середине XIX в. В исторических преданиях периода феодализации обычными персонажами выступают «доморощенные» горские князья (в частности, они широко представлены в малхистинских преданиях). На плоскости Чечни были князья иноземного происхождения: Айдамировы и Чупаловы (кумыки), Бековичи-Черкасские (кабардинцы), Турловы (аварцы) (Дахкильгов, 1978: 81, 90-92).

Историк С.Ц. Умаров, исследуя особенности классового образования в средневековый период в Чечне и Ингушетии, не мог обойти тему о рабах и князьях. Описывая борьбу вассала «Джели Падхароевского» с «князем Усуром Дышнинским», С.Ц. Умаров (Умаров, 1980) допустил те же ошибки, что и М.А. Мамакаев. Вероятно, связано это было с тем, что оба исследователя готовили свои публикации по одним и тем же материалам Чеченского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вместе с тем в статье С.Ц. Умарова фигурируют еще некие «майстинский князь» и «князь Хьата Терлоевский» (князь Хьата, как и малхистинский князь Сеп, пользовался правом первой ночи и тоже был убит женой, которого звали Минга, из-за невесты). С.Ц. Умаров упоминает также о князе Муцале из малхистинского аула Коротах, которого низложил князь Сеп (Умаров, 1980: 20-22). Хотя нам ничего не известно о том, что у майстинцев были князья и что у терлоевцев был еще князь Хьата¹, данные Н.С. Иваненкова, Н.А. Худадова, Х.Д. Ошаева, М.А. Мамакаева и С.Ц. Умарова свидетельствуют о том, что у верхнеаргунских горцев существовал целый «пантеон» князей. Иначе говоря, наличие горских чеченских князей есть не исключение, а обычное явление в конкретный период истории Чечни.

Согласно С.Ц. Умарову, начиная с конца XVII в., имена князей чечено-ингушского происхождения исчезают со страниц исторических документов, а в период до середины XVIII в. сословие собственно чечено-ингушских князей было ликвидировано. Иноземные князья, позднее призванные в Чечню, обладали весьма ограниченной властью и правили на договорных началах (Умаров, 1980: 8, 22).

В примечаниях к статье С.-М.А. Хасиева (Hasiev, 1986: 77) о чеченском тайпе мы обнаруживаем краткие сведения о том, как в древности чеченцы жили под князьями. Сведения эти С.-М.А. Хасиев записал в 1960–1970-е гг. со слов 100-летних старожил Орцха Евлоева в г. Назрани, Янарса Эскиева (Яскиева) в с. Тасбичи² и Мусы Тазбаева в с. Курчалой. Князья заставляли семьи отдавать им своих детей (по ребенку с семьей) для продажи. Юноши не могли жениться, а девушки не могли выйти замуж без разрешения князя. Князья

¹ Автор настоящей статьи в 70–80 гг. XX в. многократно посещал как Майстинское ущелье, так и другие ущелья боковых притоков Чанты-Аргуна. Однако ни от майстинцев, ни от терлоевцев, ни от чантийцев никогда не слышал о майстинском князе и терлоевском князе Хьате.

² С тасбичинским долгожителем Янарсой Яскиевым беседовал и автор данной статьи в 1978 г.

вынуждали людей поклоняться себе больше, чем богу. Истребив князей, чеченцы избавились от их притеснений и высокомерного отношения.

Чеченские предания с упоминаниями о горских князьях в качестве действующих лиц опубликовали А.О. Мальсагов и И.А. Дахкильгов в фольклорном сборнике (*Сказки, сказания и предания...*, 1986: 425-427). В первом подобном предании¹, озаглавленном «Цепа» (*Сказки, сказания и предания...*, 1986: 425-426), повествуется о малхистинском князе, имевшим право первых трех брачных ночей. Оно фактически повторяет предание, записанное Х.Д. Ошаевым (*Ошаев, 1930: 64-65*), за исключением детали о праве князя на первую брачную ночь с горскими невестами. В отличие от Х.Д. Ошаева и М.А. Мамакаева (*Мамакаев, 1973: 36*), писавших о праве князя только на первую ночь с каждой невестой, А.О. Мальсагов и И.А. Дахкильгов (*Сказки, сказания и предания...*, 1986: 425), как и Н.А. Худадов (*Худадов, 1890: 66*), сообщают о княжеской привилегии на первые три ночи.

Предание о малхистинском князе А.О. Мальсагов и И.А. Дахкильгов озаглавили по имени молодого горца Цепы, убившего этого князя из-за своей невесты. Имя молодого горца напоминает нам имя малхистинского князя (Сепа, или Лепи Сепи).

Цепа имел столкновение с еще одним князем по имени Когархо (*Сказки, сказания и предания...*, 1986: 425-426), который заставлял горцев работать на себя: в аул, где жил Цепа, князь пригонял на зиму 60 коров. Жители аула обязаны были содержать стадо бесплатно, а весной возвращать его князю с приплодом. Но после одной зимы Цепа не вернул князю ни коров, ни телят. В отместку за это в то время, когда Цепа находился на пахоте, князь со своей дружиной напал на аул Цепы и стал угонять жителей и скот. Узнав о набеге князя от своей матери, Цепа схватил соху с запряженными в нее 4 быками и потащил их в гору. Догнав дружину князя, Цепа отбил у него односельчан и скот².

Как мы полагаем, аул Цепы – Цой-Педе, а сам Цепа – не кто иной, как Лепи Сепи. Если это верно, то имя князя, заставлявшего жителей Цой-Педе безвозмездно содержать скот – Муцал, и жил он в малхистинском ауле Коротах (*Умаров, 1980: 21*).

Второе предание, озаглавленное «Муцул и Секки», было записано в с. Итум-Кале в 1930 г. (*Сказки, сказания и предания...*, 1986: 426-427). Оно включает в себе элементы предания, записанного Х.Д. Ошаевым (*Ошаев, 1930: 64-65*), и эпизод из предания «Цепа», связанный с погоней за дружиной князя и отбитием у него захваченных односельчан и скота. Во втором предании князь Муцул преподносится не как малхистинец из Коротаха, а как джаец (аварец), бравший с чеченцев дань. В этом предании имеются любопытные детали. Малхистинский герой Секки, сидевший у языческого святилища в честь бога Цуу, узнав о приходе князя Муцула за данью, наотрез отказывается ее давать. Муцул нападает на родной аул Секки в то время, когда он пахал сохой с помощью пары волов, сеял семена и бороновал землю одновременно. О набеге Муцула на аул и угоне скота Секки сообщила не мать, а жена. Схватив лемех, Секки бросился за Муцулом. В результате скот был отбит у князя и возвращен жителям аула.

Далее предание о Муцуле и Секки объясняет, как у чеченцев появились горские князья (*Сказки, сказания и предания...*, 1986: 427). Малхистинцы, убедившись в силе и храбрости Секки, избрали его своим князем и попросили его установить размер налога. Секки сказал, что каждый дом обязан выдавать ему по мерке зерна и что все малхистинские невесты, выходящие замуж, должны провести с ним первые трое суток, и только после этого они обретут право на своего мужа.

Население согласилось с требованиями Секки. Жизнь в Малхисте потекла своим чередом вплоть до того момента, когда один молодой человек обманым путем убил князя Секки, отрубив ему голову шашкой. С тех пор в Малхисте не стало больше князей.

На наш взгляд, все вариации малхистинских преданий рассказывают об одних и тех же исторических событиях, связанных с появлением у чеченцев горских князей и их борьбой друг с другом. Для нас несомненно, что Цепа и Секки есть искаженные имена малхистинца, которого

¹ Записано в 1973 г. И.А. Дахкильговым со слов 80-летней жительницы с. Бамут Р.Ю. Хациевой.

² Эпизод с сохой и быками известен нам по рассказу чабана Шахболта Борчашвили, услышанному 15.02.1988 г. в урочище Шунды. Однако, сколько помнится, в пылу гнева соху и быков поволок за собой не молодой горец Цепа, а Лепи Сепи (тогда он, вероятно, ещё не был князем).

на самом деле звали Сепи (Лепи Сепи) и что «джайский» князь Муцул и князь Когархо – одно и то же историческое лицо, а именно малхистинский князь Муцул из аула Коротах.

Обращает также внимание тот факт, что во всех малхистинских преданиях не содержится упоминаний о рабах. Судя по преданиям, у малхистинцев существовала вассальная зависимость от князей, выраженная в бесплатной пастьбе княжеского скота, выдаче дани или уплате налога и в существовании унижительного права трех первых ночей. Однако рабов у малхистинских князей, по крайней мере из числа своих соотечественников, по-видимому, не было.

В коллективном труде по истории народов Северного Кавказа (*История народов Северного Кавказа...*, 1988: 391) общественный строй Чечни и Ингушетии в XVIII в. был охарактеризован как весьма своеобразный и развивающийся по пути феодализации, но в специфических местных условиях. Внутри тайпов интенсифицировалось имущественное и социальное расслоение, происходило укрепление богатых и влиятельных семейств. Однако основная масса горского крестьянства обладала личной независимостью, хотя по уровню социально-экономической состоятельности имелись как весьма зажиточные, так и безземельные и безлошадные крестьяне. Тем не менее все они именовались узденями. Личные рабы, образовывавшие особую социальную прослойку, чаще всего происходили из военнопленных. Их добывали как за пределами территории Чечни и Ингушетии, так и в самих этих регионах. Кроме того, прослойка рабов пополнялась за счет тех, кто угодил в кабалу по разным экономическим причинам. Рабы-лаи были бесправными. Владельцы, прикрепляя своих лаев к земле, тем самым приравнивали их к положению феодально-зависимых крестьян (по русским документам, к холопам).

Исследователь общественно-политического строя и права чеченцев и ингушей К.-С. А.-К. Кокурхаев (*Кокурхаев, 1989: 16-17*), основываясь на архивных материалах, описал тот же случай, о котором прежде упоминал Н.П. Гриценко (*Гриценко, 1976: 291-292*). В 1862 г. уроженец Аргунского округа Дакиев обратился к российским властям с жалобой, в которой сообщил, что 25 лет назад его украли и продали в рабство жителю Осетинского округа Бадоеву. После удовлетворения жалобы Дакиев получил свободу. Вслед за этим с жалобой обратился Бадоев. Он утверждал, что в 1841 г. заплатил за Дакиева 150 рублей и просил возместить ущерб, причиненный ему освобождением Дакиева. При этом Бадоев предъявил свидетельство о покупке Дакиева, составленное в присутствии помощника пристава горских народов прапорщика Дударова. Проведенное дознание установило, что Дакиева похитили галгаевцы у непокорных чантийцев. Поскольку подобное похищение в то время не воспрещалось, галгаевцы, продавшие Дакиева в рабство Бадоеву, поступили согласно разрешению начальства (*Кокурхаев, 1989: 17*).

В самом конце советского времени вышло в свет учебное пособие по этнографии чеченцев и ингушей Н.Н. Великой с соавторами (*Великая и др., 1990*), в главе о социальном строе которого обобщены изданные ранее материалы о рабах и князьях. По мнению авторов, феодализм в Чечне и Ингушетии не носил завершённого характера, хотя между разными слоями общества существовали серьезные противоречия. Нижнюю ступень социальной пирамиды занимали рабы и их потомки. Обычно рабы (лай/лей) образовывались из пленников-ясырей, которых не выкупили. Среди свободных общинников происходило расслоение, формировалась феодализирующаяся верхушка. В горной зоне, по преданиям, были князья-владельцы Дударовы, Садойские, Дышнийские, Сепи-эла Малхистинский, Бики Харачоевский, а на плоскости – Ших-Мурза Ишеримов, Турловы, Хасбулатовы. Из учебного пособия мы узнаем о предании, согласно которому майстинцы, свергнув своего князя, решили больше князей не избирать и не назначать. В то же время в Чеберлоевском и Шароевском обществах осуществлялось возобновление княжеского правления (*Великая и др., 1990: 57-59*).

В постсоветское время было опубликовано несколько работ, содержащих сведения о рабстве и рабовладении в Чечне (*Покровский, 2009; Тотоев, 2009; Магомадова, 2017* и др.). Однако в капитальном труде Н.И. Покровского о кавказских войнах и государстве Шамиля указанная тема была затронута только отчасти. В другом капитальном труде Ф.В. Тотоева об общественном строе Чечни она рассмотрена весьма обстоятельно. Вопросам рабства и работорговли в Чечне всецело посвящена статья Т.С. Магомадовой.

Как и предыдущие исследователи, Н.И. Покровский выделяет в Чечне две группы рабов: личных рабов-лаев (не военнопленных) и военнопленных (ясырей). Ученый не

соглашается с распространенным мнением о том, что рабы в Чечне всегда относились к не чеченцам, а рабов-чеченцев в Чечне никогда не было. Н.И. Покровский полагает, что Чечня знала и чеченцев-рабов, что подтверждается случаями долгового рабства. Однако основу рабской силы чеченцы-рабы вряд ли составляли (Покровский, 2009: 158).

В советское и постсоветское время, как нами уже было отмечено, тему рабства и работорговли в Чечне разрабатывал Ф.В. Тотоев (Тотоев, 1969; Тотоев, 2009). Однако даже ему не удалось установить ни точное время возникновения чеченского рабства, ни проследить его эволюцию. Поэтому Ф.В. Тотоев исследовал рабство у чеченцев лишь на последнем этапе его эволюции, перед тем, как оно было официально отменено после окончательного вхождения Чечни в состав России. Первые же сведения о рабах в Чечне, по Ф.В. Тотоеву, относятся предположительно к XV – первой половине XVI вв. или даже к более раннему времени (Тотоев, 2009: 213). Ф.В. Тотоев установил следующие источники формирования контингента рабов: 1) захват пленных (не только христиан, но и мусульман; рабом мог стать как военнопленный, так и чеченец, похищенный по причине родовой или личной мести или захваченный в межфамильных войнах и набегах); 2) продажа или обмен на хлеб одного члена патриархальной чеченской семьи во избежание голодной смерти всей семьи; 3) отдача члена патриархальной чеченской семьи в случае невозвращения этой семьей взятого долга (долговое рабство); 4) обращение в рабство детей пленных солдат и горянок и детей пленных солдат и чеченских холопов; 5) обращение в рабство чеченцев, подвластных имаму Шамилю, захваченных чеченцами, сражавшимися на стороне России (Тотоев, 2009: 214-216, 225). Взятых в плен непокорных чеченцев (ясырей) в 40–50 гг. XIX в. российские власти разрешали продавать¹.

Весьма распространенной формой рабства в Чечне Ф.В. Тотоев считал домашнее рабство (Тотоев, 2009: 219, 227). Рабы, проживавшие в доме своего хозяина, обслуживали потребности его дворового хозяйства. Покупные женщины-рабыни нередко становились женами хозяев. По всей видимости, именно домашнее рабство имел в виду У.Л. Лаудаев, когда писал о равенстве свободных чеченцев и их холопов (Лаудаев, 1872: 52).

Характеризуя положение лаев и ясырей в Чечне, Ф.В. Тотоев выявил новые детали в обязанностях рабов и правах их владельцев. В частности, рабы не могли отказаться от женитьбы на тех женщинах, на которых им указали хозяева. Произвол рабовладельца над ясырями-чеченцами был меньшим, чем над ясырями-иноземцами. Хозяин-чеченец мог за убитых им чеченцев расплатиться с пострадавшей стороной собственными рабами. Рабов, отданных за пролитую кровь, либо убивали, либо продавали. Кроме того, в Чечне издавна существовало вольноотпущенничество, которое распространялось и на рабов, попавших в неволю по задолженности (Тотоев, 2009: 217-218, 221).

Ф.В. Тотоев дополнил сведения М.А. Мамакаева и Н.П. Гриценко новыми данными о продаже в рабство чеченцев самими чеченцами (Тотоев, 2009: 215-216), причем в качестве живого товара нередко выступали дети, которых продавали их же родственники.

Ф.В. Тотоев сформулировал основные положения, касающиеся рабства у чеченцев. Рабство в Чечне носило патриархальный характер. Даровой рабский труд использовался в условиях доминирования мелкокрестьянского натурального хозяйства и в хозяйственной жизни Чечни никогда не играл главной роли. В основном рабский труд использовался в земледелии и скотоводстве для удовлетворения потребностей семейств рабовладельцев. В Чечне сложились только элементы рабовладельческих отношений. Рабовладение было неразвитым, зачаточным. Оно испытало кризис до ликвидации патриархально-родового строя и утверждения феодализма и не смогло достигнуть своего расцвета. Число рабов от общего числа свободных общинников было ничтожно малым. После вхождения чеченцев в состав России рабство в Чечне, приходившее во все больший упадок, российские власти отменили законодательным путем (Тотоев, 2009: 218-219, 227-229).

В статье Т.С. Магомадовой ранний период рабовладения в Чечне датируется XVI–XVII вв., а поздний – XVIII–XIX вв. По материалам об ококах (чеченцах-аккинцах, живших с

¹ Один из героев исторического романа Х.Д. Ошаева, чеченец из тайпа хаккой Алхаст, сын Шапи, пользуясь разрешением, предоставленным чеченцам, служившим в русских войсках, занимался похищением немирных чеченцев для получения за них выкупа или обмена на пленных русских солдат (Ошаев, 1966: 24-25, 30, 34, 36, 39).

конца XVI в. в Терском городке) автор делает заключение о патриархальном, домашнем характере рабства у чеченцев (Магомадова, 2017: 147). В XVI–XVII вв. чеченцы имели рабов-ясырей, которые никогда не являлись у них основной рабочей силой. Ясыри служили предметом торговли и выкупа и приносили немалый доход в индивидуальный бюджет семьи (Магомадова, 2017: 153-154).

Поскольку в настоящей статье до сих доминировали материалы о рабах и князьях в Чечне, далее обратимся к обсуждению материалов по Ингушетии. Причем следует сразу оговориться: если о рабах, бывших у ингушей, встречается немало прямых и косвенных свидетельств, то даже косвенные данные (и тем более конкретные исторические факты) о существовании в горах Ингушетии князей нами не установлены.

На наш взгляд, наиболее интересные сведения о рабах и рабовладении у ингушей содержатся в трудах Я. Потоцкого, Н.Ф. Яковлева, Л.П. Семенова, И.П. Щеплыкина, А.Н. Генко, Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, Е.И. Крупнова, М.А. Мамакаева, С.Ц. Умарова (Потоцкий, 2006; Яковлев, 1925; Семенов, 1928, 1935; Щеплыкин, 1928; Генко, 1930; Харадзе, Робакидзе, 1968; Крупнов, 1971; Мамакаев, 1973; Умаров, 1980).

Одно из первых упоминаний о рабстве у ингушей мы встречаем в труде польского графа Я. Потоцкого. Осенью 1797 г. он путешествовал по Северному Кавказу (Потоцкий, 2006: 365). Со слов очевидца П. Калустова, в Кизляре Я. Потоцкий записал следующий случай, произошедший на рынке рабов в кумыкском ауле Эндери.

Ингуш, похитивший «...юную дочь его страны...», привез девушку для продажи в Эндери. Сторговался с купцом-евреем о цене (200 рублей в персидских тканях). Когда продавец и покупатель пошли смотреть ткани, девушка-ингушка сказала находившимся рядом чеченцам примерно следующие слова: я незащищенная сирота. Человек, привезший меня сюда, обещал на мне жениться. Но своего слова не сдержал. Сейчас он собирается продать меня, чтобы получить одежду, которую не будет носить. Сказав эти слова, она удалилась в сад, где повесилась на дереве (Потоцкий, 2006: 367).

Важно отметить, что независимо друг от друга Я. Потоцкий (Потоцкий, 2006: 367) и Н.П. Гриценко (Гриценко, 1976: 288) сообщили о сходных событиях: ингуш пообещал ингушке жениться на ней, а чеченец пообещал чеченке отдать ее замуж, но оба обманули и попытались продать своих «пассий» на невольничьем рынке в Эндери. Учитывая ранее приведенные сведения о продаже чеченцами в рабство своих же сирот, детей и прочих слабых, незащищенных людей (Лаудаев, 1872: 52; Мамакаев, 1973: 49; Тотоев, 2009: 215), можно заключить, что менталитет чеченцев и ингушей в период рабовладения и работорговли кардинально отличался от современного.

Полевые этнографические исследования в горах Ингушетии в то время, когда там еще оставалось постоянное население, осуществил Н.Ф. Яковлев (Яковлев, 1925). В очерке об ингушах он опубликовал предание о трех родных братьях, Тергиме, Хамхи и Эги¹, родоначальниках галгаевцев (Яковлев, 1925: 98-99). В широкой долине Ассы, проходящей через горы Ингушетии с юга на север, на перекрестке конно-пешеходных троп с гор на плоскость и со стороны Чечни к ущелью Терека², братья построили боевые башни. Взяв под

¹ По Г.К. Мартиросяну (Мартиросян, 1928: 39), отцом этих братьев был Эльберт (по-ингушски Элберд. См.: Хамчиев, 2003: 116). Интересно, что потомки Эга теперь живут и в Чечне и являются не ингушами, а чеченцами. Так, по сообщению Сарбека Саидовича Мовтаева (чеченца из тайпа мулкьой), первый его предок – Эг, а у него были братья Тергим и Хамхо. Потомки Эга: Метиш, Бекхоул, Генчи, Генич, Ама (он из Эгикала переселился в Чечню, в аул Жайнэ), Миттарж, Эльда, Бахарш, Изноур, Саид (Сайда), Сарбек (записано нами 23.12.1987 г.). Прибавим к этому сообщение Х.М. Батаева о том, что один из его отцовских предков ушел из Чечни в Ингушетию в аул Пялинг (записано нами 06.02.1988 г.). Тутка, прямой предок представителя тайпа хилдехьарой Мансура Мусаевича Ескиева, в историческом прошлом переселился в Чечню из Ингушетии (из этнического общества Цхьорой). Потомки Тутки – Тес, Жибал, Гайрак, Шамтур, Каса, Ески, Муса и Мансур – являются чеченцами (записано нами 11.06.1985). Если иметь в виду все известные нам сведения о переселениях в горы Чечни выходцев из Осетии, Грузии и Дагестана, то получится весьма пестрая картина этнических перемещений не только между чеченцами и ингушами, но и между ними и соседними горскими народами.

² Вся эта межгорная территория, расположенная между Скалистым (на севере) и Боковым (на юге) хребтами, по обеим сторонам р. Ассы, теперь называется Таргимской котловиной.

свой контроль главнейшие пути сообщения, братья начали извлекать экономическую выгоду от удобного транспортно-географического местоположения своих владений. Они стали взимать дань за прогон скота и прохождение людей через свои владения, которая выплачивалась скотом, пулями и зарядами пороха. Так, за проход через владения братьев одного человека или перегон одной головы скота взималась дань в виде одной пули и одного заряда пороха. Постепенно братья и их потомки накопили большое богатство, а их аулы разрослись. Будучи в союзе с соседними родами, потомки трех братьев с помощью вооруженной силы распространяли свою власть на соседние горские племена.

Поскольку в предании о трех братьях, записанном Н.Ф. Яковлевым, упоминаются лук (которым пользовался средний брат Хамхи на охоте), пули и заряды пороха, можно заключить, что это предание относится к тому периоду, когда ингуши использовали луки наряду с огнестрельным оружием. Исследователь ингушей Б.К. Далгат полагает, что луки и ружья они одновременно использовали еще в конце XVIII в. (Далгат, 1893: 64).

Еще одно народное предание, опубликованное Н.Ф. Яковлевым (Яковлев, 1925: 103-104), отвечает на вопрос о том, почему у ингушей не существовало князей. Согласно преданию, однажды народные предводители подумали: если у других людей есть князья, то, может быть, и галгаевцам нужен князь. Для избрания князя на лугах Соу собрались все галгаевцы. Из претендентов на княжеский титул не явился только мудрый и богатый человек по имени Ивизд Газд¹, хотя его и приглашали. Но Ивизд Газд категорически отказывался приехать. Три дня и три ночи галгаевцы совещались. На третий день Ивизд Газд узнал: участники народного собрания решили бросать жребий, кому быть князем, и готовят не пять, а четыре жребия. Только тогда он собрался в дорогу. Надел роскошный шелковый халат, взял отделанную золотом пашку, оседлал лучшего коня. Дорогой халат опоясал грязным вьючным ремнем, которым удерживают груз на спине осла. В таком виде Ивизд Газд прибыл на общенародное собрание. В числе нескольких вопросов, ему задали и такой: почему он роскошное одеяние опоясал грязным ослиным ремнем. Ивизд Газд на вопрос ответил вопросом: «Разве не идет мне этот грязный ремень?» Собравшиеся галгаевцы отвечали: «Как может ослиный ремень подходить к шелковой одежде?» Услышав это, Ивизд Газд сказал: «Как ослиный ремень – к шелковым одеждам, так князь и раб не идет к ингушам!» (Яковлев, 1925: 104). После этих слов галгаевцы постановили: пусть у того, кто предложит поставить над нами князя, будет негодное потомство. И обратились к тем, кто имел у себя рабов, отпустить их на волю. С тех пор обрели свободу Барахоевы, бывшие рабы Тергимхоевых, и потомки Гадаборша, бывшие рабы Беркимхоевых.

Предание об Ивизде Газде свидетельствует о том, что в прошлом ингуши имели рабовладельцев и рабов, но не имели князей. Хотя Н.Ф. Яковлеву ингуши говорили, что они всегда были свободны и равноправны и что у них никогда не существовало князей, которые бы ими управляли (Яковлев, 1925: 98, 102). Как мы видим, предание опровергает утверждение, касающееся всеобщей свободы ингушей и их равноправия.

Н.Ф. Яковлев установил также, что у ингушей существовало деление на «хорошие» и «плохие» фамилии. Некоторые ингуши по степени благородства насчитывали до 5-6 «сортов» фамилий. Относительно степеней благородства Н.Ф. Яковлев (Яковлев, 1925: 98) приводит следующее разъяснение: «К первому сорту ингуши относят потомков тех «фамилий», которые когда-то верховодили в горах остальными ингушскими «родами», а к последним – потомков их бывших крепостных, пленников и рабов».

Для подтверждения неравенства, существовавшего у ингушей в древности, Н.Ф. Яковлев (Яковлев, 1925: 100) ссылается на следующий эпизод из жизни народа. Раз в году представители 3–4 сильнейших галгаевских союзных родов, занимавших лучшую часть гор Ингушетии, собирались в «Храме Тысячи» (= христианский храм Тхаба-Ерды. – Авт.) и, отметив здесь праздник, уходили за данью ко всем окрестным племенам². Разумеется,

¹ Ингушское написание: Ивизд Гпазд (Хамчиев, 2003: 42, 58). Близкий вариант предания об Ивизде Газде был опубликован в сборнике (Сказки, сказания и предания..., 1986: 384-385).

² О том, как изменилось отношение ингушей к храму со временем, свидетельствуют следующие факты. Когда в середине 70-х гг. XX вв. автор данной статьи впервые посетил Тхаба-Ерды, храм представлял собой печальное зрелище. Посреди заброшенного и полуразрушенного каменного храма

племена эти от ежегодных поборов беднели, а сильные союзные роды богатели. Согласно Н.Ф. Яковлеву, неравенство между разными племенами порождало и неравенство между отдельными родами: «Выходцы из чужих родов, беженцы, пленники, найденыши становились рабами или получали от господствующих родов земли для поселения и становились их крепостными земледельцами» (Яковлев, 1925: 100).

Как справедливо заключает Н.Ф. Яковлев (Яковлев, 1925: 100-102), слагавшееся в горах резкое экономическое и политическое преобладание одних родов над другими, прервалось в результате массового переселения ингушей с гор на предгорную плоскость. Оказавшись на плоскости в совсем иных природно-экономических и военно-политических условиях, прежде разрозненные галгаевские племена консолидировались в единый ингушский народ. С переселением на плоскость приостановился начавшийся в горах процесс роста власти и богатства благородных ингушских фамилий за счет других фамилий. Из прежних благородных родов так и не успели зародиться настоящие князья и царьки. В новых условиях жизни и хозяйствования на плоскости все ингушские фамилии (старые благородные и прежние рабские) практически уравнились и стартовал новый этап накопления богатства, с новыми возможностями для всех фамилий. Зарождавшиеся у ингушей в горах феодальные отношения в условиях жизни на плоскости исчезли.

Содержательное предание о Дударове, выходеце из аула Кий (точнее, Кей. – Авт.) в Чечне, записал в Джераховском и Мецхальском обществах Л.П. Семенов (Семенов, 1928: 20-21). Предание повествует о тех давних временах, когда в горах Ингушетии властвовали произвол и грубая сила, захватывались и продавались в рабство пленники. По преданию, Дударов, властолюбивый человек, обладавший редкой отвагой и силой воли, находился в постоянной вражде с местными жителями. Перейдя из Кейского общества в Ингушетию с небольшой наемной дружиной, он был вынужден из-за давления ингушей переходить из одного места в другое. Переселившись из ущелья Ассы в Джераховское ущелье, Дударов укрепился в Мецхальском обществе, где построил вблизи от аула Харпе крепкий замок. Подчинив себе жителей соседних аулов, Дударов обложил их данью за проезд мимо него (по бревну с каждого воза дров). Однажды Дударов взял в плен и заковал в цепи юношу-галгаевца с целью его продажи в рабство. Когда сыновья Дударова повезли этого юношу на продажу, жители Харпе отбили пленника, а сыновьям отрубили головы. После гибели своих сыновей Дударов переселился в близлежащий аул Духаргишт, в котором построил башню. Отсюда он предпринял набег на аул Ларс, расположенный в ущелье р. Терек, и захватил богатую добычу. Куштовым, населявшим Духаргишт, Дударов «...привел в дар быка, к хвосту которого был привязан осел, нагруженный шелком и золотом» (Семенов, 1928: 21). Побратавшись с Куштовыми и опираясь на их поддержку, Дударов совершил нападение на Харпе и пленил всех мужчин этого аула. Из-за опасения неминуемой мести со стороны ингушей Дударов переселился из Духаргишта в Осетию.

Упоминание о Дударовых как рабовладельцах приведено в труде И.П. Щеплыкина. Характеризуя владельцев замка, построенного вблизи аула Харпе, он писал: «Это были настоящие хищники гор. Нападали на окружающее их население, грабили проезжающих, забирали людей в плен и продавали в рабство; были заправскими работорговцами, везде вызывали недовольство и враждебное отношение к себе». Переселившись на Терек, в аул Ларс, Дударовы длительное время сохраняли большое влияние в Джераховском ущелье (в ущелье р. Армхи) (Щеплыкин, 1928: 20).

Кавказовед А.Н. Генко (Генко, 1930), ссылаясь на Я. Потоцкого, упоминает о случае продажи двух братьев-ингушей в рабство в Турцию. Став мусульманами, они побывали в Мекке. Получив свободу, вернулись на родину. Здесь они обратили свою мать в ислам и открыто восстали против культа священных скал и идолов, которым тогда поклонялись ингуши. Однако ингуши ответили братьям: «Вы учите нас закону, которому научились в бытность свою рабами. Мы его не желаем. Уйдите из нашей страны и не возвращайтесь никогда» (Генко, 1930: 746). После таких слов братья ушли на жительство к чеченцам.

Новые этнографические материалы по результатам полевого сезона 1930–1932 гг. в горах Ингушетии опубликовал Л.П. Семенов (Семенов, 1935: 148-149). По словам жителя

бродили овцы; молодые чабаны-ингуши стреляли по храму из винтовки. В настоящее время храм как исторический памятник ингушского народа прекрасно отреставрирован.

аула Пуй Элбиздко Долова, представители старинных фамилий из аулов Хамхи, Таргим и Эгикал собирали дань с некоторых местных фамилий. По сообщению жителя аула Салги Билала Эльджаркиева, около развалин замка, расположенного на Ассе ниже аула Таргим, некогда проходила заградительная стена, пересекавшая речную долину. В стене имелся запирающийся вход. За проход через него взималась дань (пуля и мерка пороха)¹.

Ссылаясь на Б. Эльджаркиева, Л.П. Семенов опубликовал следующие сведения о рабах у ингушей (Семенов, 1935: 148-149). По утверждению рассказчика, рабов из числа ингушей не было. Рабами становились пленники. Их захватом занимались специально сформированные небольшие (по 10–15 человек) отряды. Взяв с собой провизию недели на две, ингуши уходили к границам одного из соседних народов (чеченцев, осетин, хевсуров и орцхойцев). Подкравшись к местам молотбы хлеба, они похищали людей.

Пленных держали в башнях. Обычно тех пленных, кто был побогаче, выкупали за скот. Бедных пленных не выкупали, поэтому их превращали в рабов. Рабы работали по хозяйству (выполняли всю черную работу), жили там, где помещался скот. Они не имели никаких послаблений. С рабами не рождались, и им не выделяли земли. Дети, рожденные рабынями, становились рабами. Рабов, совершивших тяжкие преступления (например, обесчестивших женщин), ингуши убивали.

Ингуши продавали рабов за скот, оружие и землю. Если какой-либо ингуш убивал раба богатого человека, то рабовладелец мог потребовать от убийцы такой же оплаты, как за убитого ингуша. Если раб совершил кражу у какого-нибудь ингуша, то рабовладелец передавал ему своего раба во владение, как пострадавшему от воровства.

Те рабы, которые в течение 15–20 лет безусловно работали на хозяина и завоевали его доверие, получали свободу, право приобрести землю, строить жилище и родниться с ингушами. Поэтому у ингушей имеется немало фамилий, происходящих от рабов.

Б. Эльджаркиев также сообщил, что совершить побег из ингушского плена было весьма затруднительно. Тем не менее побеги рабов случались. Один пленный чеченец несколько лет притворялся послушным, делал всю работу, которую поручал ему хозяин. Завоевав доверие ингушей, он получил свободу передвижения. Однажды ночью чеченец завладел ружьем и кинжалом хозяина, убил его и сбежал на свою родину.

М.М. Базоркин² считал, что появление в горах Чечни и Ингушетии боевых башен делало их владельцев более сильными по сравнению с теми горцами, кто таких башен не имел. Владельцы боевых башен занимали господствующее положение в своей местности, овладевали пастбищами и сенокосами, преграждали горные пути и получали пошлину за проезд через свои земли (по одной пуле или одному заряду пороха с путника, по одному барану за прогон отары, долю с провозимого купеческого товара). Подобным пассивным путем протекало обогащение отдельных тайпов, но не семейств. Слабые тайпы попадали в зависимость к сильным тайпам, так возникали вассальные взаимоотношения. В период до XVII в. происходило зарождение элементов феодализма. М.М. Базоркин полагал, что рабство имело в горах весьма ограниченный характер, а рабами являлись невыкупленные пленники и заложники, которые, женившись, оставались в роде как его младшие члены. Говоря о наличии младших членов в роду, М.М. Базоркин вместе с тем утверждал, что все члены рода считались равными и вольными узденями (Базоркин, 1964: 15). Были ли все рабы иноземцами, или среди них имелись и рабы из чеченцев и ингушей – ответа на эти вопросы в работе М.М. Базоркина мы не находим.

¹ Мы уже упоминали ранее о дани, которая взималась за проход мимо Кирда Ёаьвнаш, и о дани, получаемой братьями Тергимом, Хамхи и Эги за проход через их владения. Напомним, что, по М.А. Иванову (Иванов, 1902: 285), владелец крепости в ущелье р. Аккичу (в Аьккхийн Мохк) по имени Гаж также брал дань за безопасный проход по ущелью. Очевидно, в глубинных частях гор Чечни и Ингушетии взимание дани за проход было обычным явлением, подобным тому, как в наше время взимается транзитная плата за провоз грузов через третьи страны. Само собой, получение дани усиливало экономическую мощь тех горских владельцев, которые контролировали важнейшие пути сообщения, и способствовало социальной дифференциации горского общества.

² Ингушский историк, потомок Ивизда Гпазда (Гпазда-наькъан, эгахой). И.А. Дахкильгов называет Ивизда Гпазда «именитым мужем из Эгикала» Газдом Ивиздиевым, приехавшим на общенародное собрание галгаевцев на осле и лишь после третьей просьбы (Дахкильгов, 1978: 92).

Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, исследуя сословные отношения у горных ингушей, отмечали существование у них эзди тейпа (сильная тейпа, свободная от всяческих форм зависимости) и лей тейпа (слабая, зависимая тейпа). В ходе полевых этнографических работ только однажды был зафиксирован термин *йикъер нах*, или *йикъер наькъе* (то есть средняя между эзди тейпой и лей тейпой фамилия, которая никому не подчинялась и которой никто не подчинялся) (Харадзе, Робакидзе, 1968: 132, 163).

Согласно Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, в нижнем этаже оборонительных башен ингушей имелись ямы разного назначения, в том числе и темницы для провинившихся рабов и пленников. Грузинские этнографы приводят свидетельства довоенных советских исследователей о том, что в местах, где ингуши содержали рабов и пленников, находили кандалы¹. Пленники заковывались в ручные кандалы и могли находиться в темницах по несколько лет в ожидании выкупа или обмена (Харадзе, Робакидзе, 1968: 136-137).

Вообще же, в разных горных селениях Ингушетии Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе записали у местных жителей немало сведений, касающихся рабства. Ингуши захватывали в плен иноплеменников для получения выкупа, однако если пленник-ясырь («ёсар») не выкупался, то его превращали в раба-лея. Кроме того, по адату допускалось пленение и самих ингушей, но только за пределами своего общества. В своем племени захватывались в основном физически неполноценные люди с целью приобретения рабского труда. Рабы из своего племени в конечном счете получали участок земли, посредством которого они постепенно превращались фактически в крепостных вместе со своим потомством, так как несли перед хозяином определенные повинности (натуральная рента, личные услуги) (Харадзе, Робакидзе, 1968: 137, 140, 153). Иноплеменные пленники, если верно служили хозяину, через какое-то время тоже могли получить от него участок земли при условии выплаты натуральной ренты. При этом они получали право построить себе дом (иногда и незавершенную башню) и обретали право жениться. Однако потомство освобожденного ясыря всегда оставалось в долгу перед семьей похитителя, несло подать за пользование землей и выполняло личные повинности (Харадзе, Робакидзе, 1968: 138).

После того как пленников обращали в рабов-леев, они выполняли у ингушей все виды полевых работ. Селили их в пристройке к хозяйскому дому. Новообращенные рабы-леи не имели права жениться, не имели своей земли и орудий труда. Питались леи тем же, чем и семья хозяина, однако садиться за общий стол вместе с хозяевами они не имели права (Харадзе, Робакидзе, 1968: 137, 139).

В статье Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе подробно описывается набеговая система, функционировавшая у горных ингушей. Вначале производилась тщательная подготовка к набегу, заключавшаяся в организации особой военной дружины, называемой «гIаьр», из спаянных крепкой дружбой и хорошо вооруженных джигитов. Согласовывались маршрут, время и объект для нападения (главным образом, зажиточные семейства), производилась подготовка лошадей с полным снаряжением, проверка оружия. Перед набегом джигиты тренировались в стрельбе и скачках, а свои семьи укрывали в оборонительных башнях. При набеге захватывалась такая добыча, как скот, оружие, драгоценности и пленники. После удачного набега совершался дележ добычи по принципу ее равного распределения между всеми хищниками. Пленники ожидали, каким образом решится их участь: выкуп, продажа или превращение в раба-лея (Харадзе, Робакидзе, 1968: 138-141).

Говоря о формировании зависимого сословия у горных ингушей, Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе (Харадзе, Робакидзе, 1968: 142) пришли к заключению о том, что рабство у них имело особый характер. Оно было направлено не на развитие рабовладельческих отношений, а на ассимиляцию инородных элементов как необходимое предварительное условие для их последующего закрепощения. Согласно Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, под леем необходимо понимать не только плененных иноплеменников и соплеменников, обращенных в рабство с дальнейшей ассимиляцией на местной почве и их закреплением на

¹ Например, Г.К. Мартirosiану в ауле Мецхал старик Точиев показывал заржавевшие железные наручники для пленных. Старик наотрез отказался продать эти наручники даже за большую плату, заявив, что они принадлежат всему его роду (Мартirosiан, 1928: 41). Бунухо Точиев показывал в Мецхале ручные кандалы и И.П. Щеблыкину. В ауле Фалхан он побывал в башне с каменным колодцем-мешком для пленников, где их держали в ручных кандалах (Щеблыкин, 1928: 15, 19).

земле, но и ингушские семьи, вынужденные поселиться на земле, которая уже имела своего владельца (Харадзе, Робакидзе, 1968: 163).

По утверждению Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе (Харадзе, Робакидзе, 1968: 162-163), привилегированное сословие у горных ингушей формировалось одновременно с возведением крупных оборонительных сооружений, датируемых XIV–XVIII вв. В этот же период происходил процесс возникновения и развития феодальных взаимоотношений в Ингушетии. Однако в условиях, когда ингуши не имели государства, сословное деление юридически зафиксировать было невозможно. Без юридической фиксации социальные различия, существовавшие у ингушей, «...не могли сложиться в систему правовых норм, характерную для развитого феодального общества» (Харадзе, Робакидзе, 1968: 164).

В отличие от многих авторов, писавших о патриархальном рабстве у чеченцев и ингушей, Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе (Харадзе, Робакидзе, 1968: 164) полагали, что в случае с ингушами наличествует одна из форм принудительной ассимиляции, поскольку пленник не поработался в прямом смысле этого слова, а закрепощался на земле.

Вслед за Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе в монографии о средневековой Ингушетии Е.И. Крупнов упоминает об особой военной дружине, которую называли словом «гаър». Дружины из горских удальцов периодически организовывались для совершения набегов в соседние районы Осетии, Кабарды и Грузии за добычей (Крупнов, 1971: 167).

Военная дружина «гаър» имела прямое отношение к появлению рабов и рабства у ингушей. Согласно Е.И. Крупнову, о существовании рабства у ингушей свидетельствовали даже те немногочисленные фрагментарные данные, которыми располагала наука.

Е.И. Крупнов считал, что рабство в роде (иначе патриархальное рабство) являлось одним из составных элементов процесса разложения родового строя у ингушей (Крупнов, 1971: 172). Как и все предшествующие авторы, Е.И. Крупнов подразделял рабов на леев и ясырей. По Е.И. Крупнову, почти во всех преданиях ингушей упоминаются только рабы-чужеземцы, а рабов-соотечественников ингуши якобы не имели. Ссылаясь на данные Б.К. Далгата, близко знавшего горцев-ингушей, Е.И. Крупнов отмечает, что в старину сильные ингушские фамилии похищали у слабых ингушских фамилий детей, которых продавали в рабство карабулакам и чеченцам. В монографии отмечены и другие факты, указывающие на существование у ингушей рабов из своей этнической среды. Причем категория рабов у ингушей пополнялась не только путем захвата пленников, но и за счет представителей ингушских фамилий, попавших в экономическую зависимость (Крупнов, 1971: 173-174).

В целом, говоря о рабстве у ингушей, Е.И. Крупнов писал о том, что оно не имело у них большого социально-экономического значения. Как и в Чечне, рабы в Ингушетии не являлись главной рабочей силой, а эксплуатация их труда была незначительной. Вместе с тем труд рабов усиливал экономическую мощь рабовладельцев и тем самым расшатывал патриархально-родовые устои ингушского общества (Крупнов, 1971: 175).

Поскольку сведения о том, кто из ингушей в прошлом являлся рабом, считались в массе народа непрестижными и воспринимались как унижающие достоинство, подобные сведения не только не афишировались, но и скрывались, особенно для посторонних лиц (включая русских и советских исследователей-кавказоведов). Последнее обстоятельство во многом объясняет скудность информации о рабах-ингушах в научной литературе. Вот почему для истории важен каждый конкретный случай рабства среди ингушей. Ссылаясь на данные архивного фонда Чеченского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, М.А. Мамакаев опубликовал один такой случай (Мамакаев, 1973: 49). В 1932 г. ингушский краевед и художник Х.Б. Ахриев беседовал с 90-летним стариком С. Калоевым из с. Альтиево. Старик рассказал о том, как его продали кабардинским князьям в качестве раба, а потом Мальсаговы выкупили его из рабства.

Вопросы, связанные с делением ингушей на плохие, хорошие и лучшие фамилии, выявлением зависимых ингушских и карабулакских фамилий¹, внесением натуральных

¹ В этой связи интересно предание о том, что в башенную эпоху в ущелье р. Фортанги от фамилии Гандалоевых зависели Белхароевы, пасшие табуны и стада своих хозяев. Подобная зависимость существовала в древности в округе с. Итум-Кале (см. ниже предание от 12.06.1979 г.) и в Малхисте.

податей за право жить на владельческой земле и значением боевых башен (замков)¹ в утверждении независимости фамилии (рода), рассмотрел С.Ц. Умаров (Умаров, 1980).

По мнению С.Ц. Умарова, ингушская община (фамилия), достигнув относительной независимости и утвердившись на занимаемой земле, далеко не всегда отваживалась строить боевую башню. Сначала такая община (фамилия) с целью еще большего своего усиления поселяла на своей земле на договорных началах безземельные семейства. Как правило, безземельные поселенцы становились крестьянами-лаями. Однако владельцы, поселив на своей земле безземельные семейства, рисковали в долгосрочной перспективе. Пришельцы, увеличившись с течением времени в численности, могли добиться свободы и вытеснить своих бывших владельцев². Тем не менее память о былом лейском прошлом преследовала некогда зависимые фамилии очень долго (Умаров, 1980: 13).

К каким казусам приводит историческая память о лейском прошлом некоторых ингушских фамилий, показывает следующий случай³, имевший место в Грозном вскоре после восстановления Чечено-Ингушской АССР (скорее всего, в начале 60-х гг. XX в.). В одной республиканской организации работали, кроме русских, двое ингушей. Первый из них – пожилой уже человек, с высшим образованием, интеллигентный и спокойный. Он являлся участником Великой Отечественной войны, имел боевые награды. Как мы теперь знаем, он относился к тайпу леймой и носил одну из фамилий, указанных в книге Ш.Э. Дахкильгова (Дахкильгов, 1991: 36-38). Второй ингуш – молодой человек, тоже с высшим образованием, довольно высокомерный, весьма вспыльчивый и неуравновешенный. Он принадлежал к тайпу, происходившему из древнейшего аула Эгикал и в неофициальной ингушской «табели о рангах» относился к сильной и именитой фамилии, отмеченной в книге Ш.Э. Дахкильгова (Дахкильгов, 1991: 19). И вот однажды, когда большая часть сотрудников находилась в кабинете на своих рабочих местах, в кабинет вошел молодой отпрыск родовитой фамилии. Увидев сидевшего за столом пожилого сотрудника из тейпа леймой, молодой ингуш тоном, не терпящим возражения, заявил примерно следующее: когда в кабинет заходит представитель тейпа эгикалхой, Леймовец приветствовать нас стоя обязаны! Услышав такое прилюдное оскорбление, пожилой леймовец, схватив со стола перочинный нож, яростно бросился на молодого ингуша из знатной фамилии...

Рабы в Чечне и Ингушетии, по факту, имелись и в советское время. Не секрет, что за пределами Чечни и Ингушетии, в городах и селениях разных местностей России, жили опустившиеся, полуспившиеся и бездомные люди. Их обманым путем или за обещание кормить и давать спиртные напитки, увозили в горы. Поселившись на хуторах, эти люди стали пасти домашний скот, обрабатывать огороды и делать иную хозяйственную работу. Такие люди назывались «бичами». Нам известен такой случай. В начале 80-х гг. XX в. на дальнем хуторе в ущелье Чанты-Аргуна чеченцы поселили бича, привезенного издалека. Поручили ему пасти отару овец, обеспечили его едой и алкогольными напитками. Однако бич оказался горьким пьяницей. Когда хозяева, спустя условленное время, приехали на хутор, то увидели, что овцы разбрелись по всем окрестным склонам гор, а бич, мертвецки пьяный, спит. Побои не помогли – скоро все повторилось сызнова. Тогда бичу поручили следить за посевом картофеля, но и с этим заданием из-за пьянства он не справился.

В том же ущелье Чанты-Аргуна нам довелось видеть и других бичей, работавших на чеченцев и внешне выглядевших довольно-таки прилично. По рассказам, один такой бич «увел» дочь своего хозяина, сбежав с ней в Грузию. Чеченцы также рассказывали, как однажды, во время хмельной пирушки на горном хуторе, они ради шутки решили сделать русского бича мусульманином путем совершения обряда обрезания. Не зная чеченского языка, бич посчитал, что его хотят убить, и начал активно сопротивляться. Когда же этого бича скрутили и собирались совершить обряд, оказалось, что он был татаринном.

Кроме бичей, в горах Чечни встречались наемные работники, по национальности не чеченцы. Так, в окрестностях бывшего селения Ялхарой в 70-е гг. XX в. на чеченца-хозяина

¹ В.П. Христианович по этому поводу написал: «Семьи, принадлежавшие к роду, не владевшему башней, чувствовали себя незащищенными» (Христианович, 1928: 74).

² Что подтверждает приведенное ниже предание от 03.05.1987 г. о Бургат-гаре и Куше.

³ Об этом случае автору настоящей статьи рассказал его отец, очевидец события.

работал белорус Сашка: трудолюбивый, приятной наружности и положительный во многих отношениях молодой (лет 30) человек¹. Совершив на своей родине какое-то правонарушение, Сашка уехал в Чечню, где заключил устный договор, под честное слово, с чеченцем-зумсоевцем. По договору Сашка должен был отработать на чеченца-хозяина определенное время, по истечении которого чеченец обязан был сделать Сашке новый паспорт. Сашка настолько пришелся «ко двору» чеченцам, что ему предлагали принять ислам и жениться на чеченке. Но Сашка отказался. Когда закончился обговоренный срок работы, чеченец предоставил Сашке новый паспорт и он уехал из Чечни.

В новейшее время рецидивы рабства вспыхнули в Чечне с новой силой. В 90-е гг. XX в. – начале XXI в., в период де-факто независимой Чечни, дармовая рабочая сила (в виде военнопленных и других лиц, захваченных и насильно удерживаемых боевиками) использовалась на строительстве стратегических дорог и оборонительных сооружений.

О горском плене на Кавказе вообще и о плене у чеченцев в частности существует довольно обширная историческая литература. Тема чеченского плена интересна для нас в связи с тем, что горцы нередко обращали пленников в рабство. Благодаря свидетельству бывших пленников можно составить представление об отношении чеченцев к ясырям. В этой связи небезынтересны свидетельства нескольких бывших русских пленников.

Приведем свидетельство офицера Л.Ф. Екельна (Екельн, 1841: 91-96), попавшего в плен к чеченцам. Сначала он содержался в ауле Чишки, в котором с ним по-зверски обращался некий Голега (вероятно, Гелаг. – Авт.). Затем Л.Ф. Екельн находился в аулах Дачу-Барзой и Улус-Керт, расположенных невдалеке от места слияния Чанты- и Шаро-Аргуна. В дневное время горцы держали его в железных кандалах, а перед сном железной цепью прикрепляли левую ногу к стене. На шею пленника надевали огромный ошейник с железной цепью, пропущенной через стену и укрепленной со двора толстым ломом.

В конце холодной осени в Черных горах Л.Ф. Екельн носил легкую одежду (только сюртук, полусгнившую рубашку, шаровары и фуражку). Офицерские сапоги, как и носки, у него отобрали чеченцы при взятии в плен, поэтому ему пришлось передвигаться на босу ногу. Русский пленник ночью спал на плохенькой рогожке, подложив под голову старый дырявый войлок². Единственно, кто из жителей аула проявил участие в горемычной судьбе Л.Ф. Екельна – сердобольная чеченская старушка, усадившая пленника в сакле у самого огня обогреться и накормившая его вареной бараниной.

Н.А. Волконский опубликовал статью о судьбе рядового Навагинского пехотного полка Шелестовского³, плененного в 1849 г. галашевцами в Тарской долине и до 1856 г. бывшего в плену в горах Чечни (Волконский, 1882: 217-283). Пленного русского солдата в ауле Мужичи после двухдневного торга галашевцы продали в Чечню за 10 рублей (но вместо денег были отданы корова, бык и несколько баранов)⁴. Шелестовский сделался собственностью Даледа из Хилдехьяроевского ущелья (верховья р. Чанты-Аргун). Новый хозяин заковал Шелестовского в тяжелые кандалы и чуть свет стал гонять его на работу. Кормил плохо, на ночь запирали в темной камерке. Жители аула не проявили к пленнику ни малейшего сочувствия. Угрюмый и молчаливый Далед, исподлобья смотревший на своего батрака, постоянно бранился, однако ни разу его не ударил (Волконский, 1882: 220).

Далед перепродал Шелестовского жителю аула Дышны⁵, которого звали Цоук, за 25 рублей (оплата была сделана в основном скотиной) (Волконский, 1882: 220). В семье Цоука в скором времени к пленнику стали относиться хорошо. Усердным трудом солдат

¹ Автор статьи познакомился с ним в то время, когда Сашка и сын чеченца-хозяина стояли с отарой в карстовом урочище Велах на Скалистом хребте.

² В сходных условиях содержались и другие плененные офицеры. Так, Е.И. Иноземцева приводит свидетельство современника об условиях содержания в плену полковника И.П. Дельпоццо в ауле Герменчук. Тяжелые оковы висели на руках и ногах офицера, а его шею сжимало толстое железное кольцо с огромным висячим замком. К кольцу прикреплялась тяжелая цепь, пропущенная сквозь стену сакли к толстому и прочному столбу во дворе. Пленный офицер был похож на скелет. Спал пленник на изорванном лоскуте овчины (Иноземцева, 2014: 152).

³ Статья эта готовилась в 1858–859 гг., частично на месте событий и среди действующих лиц.

⁴ В то время у горцев в качестве денежной единицы выступали скот, зерно или соль.

⁵ Скорее всего, имеется в виду этнический центр Дишнейского общества аул Тусхарой (Тусхара; на местном горском наречии этот аул называется Дышмерк).

заслужил доверие хозяина, и Далед впоследствии сожалел, что продал такого добротного работника (Волконский, 1882: 277).

Находясь в Дышны, Шелестовский носил ту же «одежду», что и у Даледа: рубаху и подштанники. Ходил с колодками на ногах. Кормили его тем же, что ела сама семья. Дочь хозяина, Сата, иногда даже подкармливала пленника (Волконский, 1882: 223, 225).

Шелестовского поселили в отдельной маленькой сакле – камерке в виде сарайчика для баранов. Поскольку Цоук стал хорошо относиться к Шелестовскому, у него появилось намного больше свободы. Цоук неоднократно предлагал Шелестовскому принять ислам; говорил, что из него получился бы хороший мусульманин. В случае принятия ислама, обещал женить солдата пусть на бедной, но хорошей девушке. Шелестовский отказывался менять свою веру (Волконский, 1882: 238, 277). В конце концов вышедшие замуж дочери Цоука – Сата и Хая – помогли Шелестовскому бежать по Хилдехьяроевскому ущелью в Грузию (Волконский, 1882: 267, 275, 277-282)¹.

Благодаря случайной встрече в ст. Екатериноградской М.П. Александров записал и опубликовал рассказ старого солдата о плене у чеченцев (Александров, 1871). В 1848 г. он вместе с сослуживцем-земляком Семеновым направился в годовой отпуск по жребью. Выйдя из крепости Воздвиженской, солдаты через Кизляр вышли на дорогу в Астрахань. Здесь их окружили пятеро конных: четверо чеченцев и русский беглый (как оказалось, главарь разбойничьей шайки, принявший ислам и имевший медаль от имама Шамиля). Сослуживец, выстрелом из ружья ранивший чеченца, был заживо сожжен бандитами в копне сухого камыша (Александров, 1871: 10). По дороге в аул Элистанжи над пленным солдатом издевались и били его плетьюми. В ауле он стал денщиком беглого русского. Из-за того, что русский ренегат жестоко избивал своего пленника, он дважды пытался повеситься (Александров, 1871: 14). На ночь его сажали в глубокую яму и сверху прикрывали ее тяжеловесной крышкой. Но после того как беглый русский привез еврея-духанщика, захваченного обманным путем в укреплении Амир-Аджи-Юрт, солдата переселили в саклю. На ночь в сакле приковывали к стене. Еврея-духанщика посадили в яму и ежедневно истязали: утром и вечером его до полусмерти избивали плетьюми. Кроме того, придумали новую пытку: посреди двора, на перекладине меж двух столбов, подвешивали духанщика за ноги и зажигали костер для того, чтобы подпалить несчастного. Истязания производились с целью получения большого выкупа (3 000 рублей) (Александров, 1871: 15, 18). В конечном итоге солдат бежал из плена. В легкой одежде и чувыках, по колено в снегу он прошел 30 верст. Добрался до расположения русских войск, но отморозил ноги.

Приведенные свидетельства касаются лиц, которые так или иначе освободились из чеченского плена. Другие пленники либо доживали свой век в чеченском рабстве, либо продавались на одном из невольничьих рынков Северного Кавказа. Наиболее близким и удобным пунктом для продажи рабов из Чечни являлся кумыкский аул Эндери (Андрей-аул). Об этом крупнейшем центре работорговли на Северо-Восточном Кавказе сообщается в краеведческих источниках (Исторический очерк распространения..., 1850; Документы по взаимоотношениям..., 1968; Покровский, 2009; Тотоев, 2009; Иноземцева, 2014 и др.).

Согласно Ф.В. Тотоеву (Тотоев, 2009: 224), чеченцы продавали в Эндери пленных в обмен на порох, хлеб, соль, иногда за деньги. Затем местные купцы перепродавали их за деньги в Кизляр для работы на виноградниках. Эндери как средоточие работорговли был настолько популярным в Чечне, что об этом ауле даже упоминали в песнях. В записанной П.И. Головинским песне, исполняемой чеченской девушкой, говорится о возлюбленном джигите, который похитил в казачьей станице мальчика для продажи: «Мой храбрец-молодец продаст мальчугана в Эндери, в Дагестан; он накупит мне подарков; то-то мы будем жить, поживать!» (Головинский, 1878: 260).

Важную роль в выявлении сословных различий, бытовавших у населения глубинной части Горной Чечни, играют предания верхнеаргунских горцев². В них нередко фигурируют

¹ Хотя нам трудно представить, как Шелестовский, не зная точной дороги, и без теплой одежды смог в одиночку перейти через пограничный с Грузией высокогорный Боковой хребет.

² При этом необходимо понимать, что чеченские и ингушские предания зачастую многоварианты и противоречивы. Одни и те же исторические события не только представителями разных тайпов, но и представителями одного и того же тайпа могут излагаться совершенно неодинаково. Потому

князя и зависимые от них люди (почти рабы). В этой связи примечательно предание об Итоне, основателе аула Итум-Кале, записанное нами от нескольких представителей чантыйского тайпа (Головлёв, 1980а: 3-4; Головлёв, 1980б: 3), с отдельными позднейшими прибавлениями и уточнениями¹. Заметим, что впервые об этом предании сообщила А.Е. Россикова (Россикова, 1895: 76-77). В общих чертах предание это опубликовано в работах Н.С. Иваненкова (Иваненков, 1910: 9-10) и М.А. Мамакаева (Мамакаев, 1936: 62; 1973: 45-46). Однако Н.С. Иваненков допустил искажения этнических наименований, а М.А. Мамакаев – ошибки в описании событий. Краткий вариант предания об Итоне опубликовали в фольклорном сборнике А.О. Мальсагов и И.А. Дахкильгов (Сказки, сказания и предания..., 1986)².

Согласно преданию, в давние времена в Грузии жил старик Берий, у него был старший сын Люнги, а у него были сыновья Итон, Хала и Шала. После смерти Берия Люнги с сыновьями, перейдя через высокогорный перевал Бокового хребта, переселился в Хилдехьяроевское общество Чечни. В верховьях р. Кериго, недалеко от аула Тюалой, они построили башню. Через некоторое время Люнги и его сыновья спустились в низовья Кериго и основали аул, известный теперь как Люнги. Отсюда они перешли в соседнее Хачароевское общество и поселились в ауле Шоккхел. С Шоккхелом связаны важные изменения в жизни семьи. Во-первых, в этом ауле умер старик Люнги; во-вторых, его младший сын Шала навсегда переселился в Дагестан; и, в-третьих, старший и средний сыновья, Итон и Хала, переселились на новое местожительство в основанный ими аул Итум-Кале (по-чеченски звучит как «Итон-Кхаьлла», то есть «Аул Итона»).

Причиной возникновения аула Итум-Кале послужило следующее событие. Однажды Итон охотился в густых лесах, произрастающих в долине р. Чанты-Аргун, недалеко от Шоккхела. Преследуя зверя, Итон спустился по долине к скалистому мысу, расположенному между реками Чанты-Аргун и Чанты-эрк (теперь это место называется Пхакоч). Утомившись, Итон прилег отдохнуть, а свой посох воткнул в землю. Проснувшись, он увидел ласточку, свившую на конце посоха гнездышко. По древнему поверью, ласточка являлась счастливой приметой, а место, где она свила себе гнездо, – весьма благоприятно для жизни человека (Головлёв, 1980а: 3). Поэтому Итон и Хала переселяются в окруженное с нескольких сторон дремучим лесом урочище Пхакоч, в котором прежде никто не жил. Ближайшие к месту поселения Итона и Халы населенные пункты, существовавшие в долине р. Чанты-эрк до их прихода, – аулы Хаскел (= Хаскали)³ и Хелди. На большем удалении от Пхакоча находился аул Тусхарой – родовая вотчина дишнейского князя⁴. Пхакоч и окрестности считались княжеским владением. Жители Хаскела и Хелди, находившиеся в кабальной зависимости от князя, на безвозмездной основе содержали его многочисленные стада и отары на своих зимних пастбищах. Причем в случае падежа дишнейского скота хаскелойцы и хелдинцы обязаны были возместить потерю⁵.

Дишнейский князь недолюбливал Итона из-за того, что он без разрешения поселился с братом Халой на княжеской земле и сочувственно относился к подневольным хаскелойцам и хелдинцам. Тем не менее Итону удалось жениться на княжеской дочери. Однако он умер до рождения своего сына, которого назвали тоже Итоном. Повзрослевший Итон-младший вступил в противоборство со своим богатым, влиятельным и сильным дедом-князем. Перед возвращением княжеского поголовья Итон-младший отрезал у скота хвосты, что считалось

предания нельзя считать надежными научными источниками информации. Вместе с тем в виду отсутствия письменных источников о жизни верхнеаргунских горцев в Средневековье предания выступают единственными, а потому и бесценными источниками информации.

¹ Детальная запись предания была сделана нами 12.06.1979 г. со слов 83-летнего сельского муллы Закри Дадаева, которому рассказал это предание в 1909 г. его дед по матери 125-летний Аах.

² Краткий вариант предания об Итоне, опубликованный в фольклорном сборнике, записал А.С. Куркиев в 1964 г. (со слов 90-летнего жителя с. Итум-Кале Даута Бетигова).

³ В верхней части аула Хаскел сохранились сторожевая башня (по преданию, ее построил человек огромного роста по имени Джогуаг), языческое кладбище и крестообразная каменная стела.

⁴ Горцы называли его «дишнейн эл», не указывая имени. Но, как мы уже знаем, имя тайпового предводителя дишнейцев – Усур (Мамакаев, 1936: 62; 1973: 46).

⁵ Согласно М.А. Мамакаеву, при возвращении дишнейского скота весной пастухи должны были не только возместить естественную убыль, но и передать князю весь приплод.

насмешкой над владельцем стада. С этого момента неприязнь между внуком и дедом переросла в открытую вражду. Понимая, что победить деда-князя собственными силами невозможно, Итон-младший подружился с богатым и влиятельным дагестанским князем Джайх-эли, имевшим сильную военную дружину. Для предотвращения нападения дружины дишнейского князя Итон-младший неоднократно приглашает в гости дагестанского князя с воинами. В каждый приезд для угощения дагестанцев режут в большом количестве самую лучшую скотину из княжеских стад, выпасаемых хаскелойцами и хелдинцами. Перед возвращением оставшегося скотопоголовья дишнейцам Итон-младший снова отрезает хвосты у животных.

Дишнейские воины, приехавшие за княжеским поголовьем, увидели, что не хватает множества голов отборного скота. Вид бесхвостых животных привел их в ярость. Дишнейцы бросились на Итона-младшего и близких ему людей, но попали в засаду дагестанцев и были вынуждены вернуться в Тусхарой. Вслед за ними была отправлена бесхвостая княжеская скотина.

Узнав обо всем, дишнейский князь решает убить своего внука. Несколько раз дишнейцы внезапно нападают на Пхакоч, в котором жили семьи Итона-младшего¹ и его дяди Халы. Но каждый раз Итон-младший успеваешь скрыться. При очередном налете на Пхакоч дишнейский князь неожиданно встречает свою жену Нанаг на склоне горы, обращенном к жилищу Итона. Она подавала какие-то знаки – якобы просила свою дочь, мать Итона-младшего, дать шерсть для вязания. Однако князя осенила догадка: Нанаг предупреждала Итона-младшего о грозящей ему опасности. В порыве гнева дишнейский князь убил свою жену. Умирая, она попросила похоронить себя на месте убийства, чтобы уже из могилы смотреть на своих потомков. С тех пор это место называется Нанаг-кеш (Могила Нанаг) (Головлёв, 1980а: 4). Добавим, что автор настоящей статьи совместно с жителем с. Итум-Кале С.Р. Шахбулатовым 18.04.1990 г. осматривал место, где по чантийскому преданию похоронили Нанаг, бабушку Итона-младшего. С трудом можно было различить здесь нечто подобное кладке (возможно, на известковом растворе).

После трагической смерти Нанаг постепенно наступил перелом в борьбе жителей Пхакоча, введомых Итоном-младшим, с дишнейским князем. Разрасталось и поселение вокруг Пхакоча – Итум-Кале. Многочисленное потомство оставили Итон-младший и его дядя Хала. Старший сын Итона-младшего по имени Жели имел шестерых сыновей. Их звали Муртаз, Эжи, Гюшк, Бахмад, Борз и Хамад². От имен сыновей Жели произошли наименования основных внутритаиповых подразделений чантийцев (ч'аантий): Муртаз-гар, Эжи-гар, Гюшк-гар, Бахмад-гар, Борз-гар, Хамад-гар. По утверждению некоторых рассказчиков, потомки Халы образовали внутритаиповое подразделение падгурой³, с которым находятся в родстве Бачакх-гар (Головлёв, 1980б: 3). Со временем сформировался чантийский тайп, в состав которого одновременно вошли жители аулов Хаскел и Хелди (кушан-гар), Бургат-гар, Ибакх-гар и более поздние переселенцы из Дагестана, обосновавшиеся на землях аула Кокадой⁴, отвоеванных чантийцами у дишнейцев.

Краткое предание об Итоне, опубликованное А.О. Мальсаговым и И.А. Дахкильговым (Сказки, сказания и предания..., 1986: 429-430), существенно отличается в фактах и деталях от предания, записанного 12.06.1979 г. со слов З. Дадаева. В частности, урочище Пхакоч, где

¹ По сведениям Н.С. Иваненкова, женой Итона (без уточнения, какого именно) была дочь Бирача (Иваненков, 1910: 12-13). Поскольку известно, что женой Итона-старшего была дочь дишнейского князя, то получается, что на дочери Бирача женился Итон-младший.

² По Н.С. Иваненкову, чантийский родоначальник Итум Люнгиев был княжеского рода и пришел из Грузии. У него был сын «Джали», от сыновей которого произошли ветви рода «Багомат-гар», «Барз-гар», «Муртаз-гар», «Хаматы-гар» и «Эжи-гар». До прихода Итума Люнгиева в горах жили некие «дардыхоевцы». Их родоначальник «Купина» (?) выходец из Сирии (Иваненков, 1910: 9).

³ Предание об Итоне-младшем мы также слышали от представителя этого гара, сельского муллы Джабраила Ацаева. Он не указал падгурой в числе тех, кто безвозмездно пас дишнейский скот. В последующие времена из числа падгурой выдвинулись люди, ставшими известными. Например, чантийский наиб Алдам, живший в населенном падгуройцами ауле Цамадой (= Цамада).

⁴ В Кокадой некогда жил дишнейец Хсеххадю (записано нами 17.04.1990 г. в с. Итум-Кале). Теперь Кокадой населяют небольшие по численности ветви чантийского тайпа: Кеми-г'ар, Пици-г'ар, Къоли-г'ар, ЗогИ-г'ар, Бурцукх-г'ар, Дукълой г'ар и др.

первым поселился Итон, называется «местечком Берте», а бабушка Итона-младшего названа «женщиной по имени Наналг», которая якобы жила в его семье и погибла в бою против дишнейцев. Наналг похоронили на каком-то неведомом «холме Ханоле», а сам Итон переселился в Малхисты, а оттуда возвратился в Грузию, где и остался жить.

Однако для нас в этом варианте предания важно сообщение о том, что тусхаройцы пригоняли свой скот Итону и его близким для безвозмездной пастьбы. Тусхаройский скот откармливался и возвращался обратно хозяевам. Сыновья Итона возмутились тем, что их заставляют пасти чужой скот. Но они не отрезали хвосты у пригнанного скота, а перебили у него все рога. По этой причине возникла война между Итоном-младшим и князем.

Как можно трактовать предание об Итоне? Безусловно, все его варианты отражают вассальную зависимость людей, населявших окрестности современного с. Итум-Кале до прихода сюда Итона (не исключаем, что на первых порах и его самого, как поселившегося на чужой земле), от дишнейского князя. Дишнейцы, как коренные насельники довольно обширной территории в верховьях Чанты-Аргуна, после поражения в войне с Итоном-младшим принуждены были смириться не только с потерей части своих владений, но и с утратой власти. Потомки Итона утвердились на занятой ими земле и, с течением времени увеличившись в численности, образовали чантийский тайп в составе чеченского народа.

Память о тех стародавних временах, когда у верхнеаргунских горцев были князья и рабы, иногда проявляется на бытовом уровне в наше время. Например, во время стоянки в высокогорном ущелье р. Гешичу (= Шундхой-эрк) 05.02.1988 г. нами со слов чеченца из чантийского тайпа был записан случай, произошедший в с. Итум-Кале Советского района Чечено-Ингушской АССР. Как-то один мужчина, представитель тайпа чАантий (из рода Муртаз-гар), был в гостях у другого чантийца (из рода Борз-гар). Во время чаепития к ним пришел чантиец из рода Кушан-гар, уроженец одного из Тасбичинских хуторов. Чантиец из рода Кушан-гар был сильно религиозным человеком, зикристом¹. Во время разговора он в чем-то упрекнул представителя рода Муртаз-гар. Последний не выдержал упреков и заявил тасбичинцу буквально следующее: «Вот ты, религиозный человек, не пропускаешь ни один зикр, а предки твои были рабами. Они бесплатно пасли чужой скот, а мои предки – не пасли». Несмотря на то, что слова эти, по понятиям чеченцев, были резкими и оскорбительными, зикрист из рода Кушан-гар стерпел их и промолчал, потому что так и было на самом деле. Добавим к этому, что жена зикриста была чантийкой из рода падгурой, и, как утверждают некоторые итумкалинцы, ее предки тоже были рабами и бесплатно пасли чужой скот.

Еще одно старинное предание было записано нами 03.05.1987 г. на высокогорном хуторе в окрестностях с. Итум-Кале. По словам представителя чантийского тайпа из рода Бургат-гар, в очень давние времена его прямой предок дал одному жителю Малхисты на заранее обговоренный срок в аренду несколько голов скота. По условию договора сразу после истечения срока аренды малхистинец обязан был вернуть скот с определенным приплодом. Однако малхистинец нарушил свое обязательство и не вернул вовремя скот с приплодом. В таком случае, по действовавшим в то время горским законам, малхистинец вернул свой долг отдачей в рабство мальчика по имени Куш. Таким же образом с предком из рода Бургат-гар расплатились хилдехаройцы: они отдали в рабство девочку.

Дети, отданные в рабство, стали работать на своего хозяина. Когда они подросли и достигли брачного возраста, хозяин их поженил. У них родилось 7 детей, которые стали наследственными рабами. Состарившись, Куш обратился с просьбой к рабовладельцу об освобождении от рабства. Свою просьбу он мотивировал тем, что всю жизнь проработал на хозяина и потому заслужил свободу. Однако хозяин воспринял эту просьбу крайне отрицательно. Тогда Куш взбунтовался и отказался работать. За это рабовладелец посадил Куша на цепь в темнице, предназначенной для содержания пленников, в нижней части башни. Более того, хозяин стал издеваться над Кушем: вместо еды подавал ему, как скотине, солому. Прошло некоторое время. К рабовладельцу пришли его родственники и соседи и стали стыдить за жестокое и уничижительное обращение с рабом. Увещания добровольных защитников старого раба подействовали на рабовладельца: Куш получил

¹ Последователем исламского братства (вирда) Кунта-Хаджи Кишиева, самого распространенного в Чечне. По-чеченски называется Хьажи-вирд, или Киши-вирд.

долгожданную свободу и продолжил жить со своим семейством на крошечном участке малоплодородной, заболоченной земли, ранее предоставленной бывшим хозяином.

Записывая это предание, мы поинтересовались, был ли Куш отпущен на волю с обязательством исполнять какие-то условия, или без них. Оказалось, что Куш был обязан в отдельные дни бесплатно выпасать скот бывшего рабовладельца. К таковым относились ненастные дни, когда проводить пастьбу было затруднительно, а Куш приобрел большой опыт. По сведениям Н.П. Тульчинского (Тульчинский, 1903: 165), вольноотпущенные рабы (так называемые азаты) у горцев Центрального Кавказа облагались данью в пользу своих бывших хозяев. В случае с Кушем обязанность вольноотпущенного раба ограничивалась только эпизодической повинностью. После смерти Куша дети его стали свободными.

Рассказчик предания о Куше, старый, умудренный жизнью горец, связал далекое прошлое с современностью, прибавив к преданию следующее. С тех пор, как семью Куша поселили на клочке земли, изначально принадлежавшей Бургат-гар, началось активное заселение всех их земель потомками Куша. Значительно увеличившись в численности, они мало-помалу распространились по всей этнической территории Бургат-гар и заняли ее своими хуторами. Следствием подобной экспансии потомков Куша явилось то, что род Бургат-гар оказался на земле своих предков в абсолютном меньшинстве.

Простой горец, незаангажированный политически и идеологически, поведал нам предание о самобытной жизни верхнеаргунских чеченцев, рассказанное ему предками. В этом предании имеются детали, подтверждающие правильность некоторых утверждений К. Самойлова, А.П. Берже, У.Л. Лаудаева и Ф.В. Тотоева. В частности, подтверждается существование долгового рабства у горцев Чечни, при котором чеченцы отдавали своих сородичей в рабство, если не смогли вовремя возвратить долг (Лаудаев, 1872: 52; Тотоев, 2009: 215). Верны и утверждения К. Самойлова и А.П. Берже об отпущении в Чечне рабов на волю, после чего они и их дети получали личную свободу (Самойлов, 1855: 34; Берже, 1859: 91). Подтвердилось предположение Ф.В. Тотоева о том, что вольноотпущенничество распространялось на рабов-лаев, оказавшихся в неволе по задолженности (Тотоев, 2009: 221). Прав был Ф.В. Тотоев, когда писал о том, что рабовладельцы указывали своим лаям женщин, на которых они обязаны были жениться (Тотоев, 2009: 217).

Приведем еще одно народное предание, фигурантами которого выступали князья. Предание это в подробностях записать не удалось, хотя рассказывалось оно нам дважды¹, двумя представителями терлоевского тайпа (т'ерлой). В первый раз предание пришлось услышать 09.12.1981 г. на хуторе Тонгухой в Бавлоевском ущелье (в то время Советский район Чечено-Ингушской АССР). Рассказчик – старик Хамид², уроженец терлоевского аула Гезах. Предки его жили в ауле Бассахья на Чангы-Аргуне, возле Кирда б'аьвнаш. Хамид с ярчайшими подробностями поведал историю о завоевании терлоевцами аула Никарой, который прежде принадлежал аккинскому тайпу (аьккхий).

Башенный аул Никарой захватила военная дружина из Кирда б'аьвнаш, ведомая сыном терлоевского князя. Как мы помним, владельцем Кирда б'аьвнаш являлся Бирач Бичи, выходец из Грузии, бравший дань с майстинцев и малхистинцев (Иваненков, 1910: 12-13, 150). В изустном предании Бирач Бичи именуется Берк Бич, или терлоевский князь (т'ерлойн эл). Женой князя Берка Бича являлась аккинка. У нее был брат, возглавлявший г'ерахой. Его боевая дружина похищала детей для последующей их продажи родителям (обычная «такса» составляла тогда 63 коровы). Главную роль в захвате Никарой сыграл сын терлоевского князя (имя его осталось неизвестным; возможно, его звали Аржолик). Княжеский сын приходился племянником аккинскому предводителю г'ерахой. Несмотря на

¹ В первый раз автор настоящей статьи не мог сосредоточиться на фиксации предания по причине головной боли, а во второй раз оно урывками рассказывалось по ходу передвижения в горах.

² Он с легкостью перечислил поименно 15 своих прямых отцовских предков. Первым из них был Чермой, живший сначала в Галанчоже и оттуда переселившийся в Т'ерлойн Мохк. Вторым предок – Люнк; после него были предки с именами Боди, Вяшк, Бетчи. Только восьмой отцовский предок Хамида имел мусульманское имя.

это, между племянником и дядей разгорелась война. Племянник убил своего дядю из лука, а дядя перед гибелью успел нанести племяннику ранение¹.

Во второй раз то же самое терлоевское предание довелось услышать 11.09.1987 г. по пути следования из урочища Шунды в с. Итум-Кале. Рассказчик – Хамид Магомедович Батаев, уроженец аула Бассахъа, прямой потомок по отцовской линии терлоевского князя (Хамид знал имена 14 своих предков). Предание в интерпретации Х.М. Батаева оказалось близким к тому, которое мы слышали раньше от Хамида из Тонгухоя. Единственно, Х.М. Батаев утверждал, что аул Никарой в древности относился к Галайн Мохк (к территории тайпа галай), а не к аккинской территории. Скорее всего, Х.М. Батаев был прав, поскольку Никарой расположен на южном склоне хребта Юкерлам, а на смежном северном склоне хребта располагались аулы Чууш и Очакх, которые до сталинской депортации чеченцев населялись представителями тайпа галай. Иначе говоря, к аулу Никарой примыкала не аккинская, а галаевская этническая территория.

Теперь попытаемся хотя бы ориентировочно предположить, в какой исторический период могли совершаться события, представленные в предании. С одной стороны, нам известно, что предводитель Герахой был убит стрелой, запущенной из лука. Стало быть, в то время еще использовались луки и стрелы. С другой стороны, известно, когда ингуши – ближайšie соседи горных чеченцев – использовали луки. Как мы уже знаем, по данным Б.К. Далгата, луки (наряду с ружьями) применялись ингушами в конце XVIII в. (Далгат, 1893: 64). Поэтому к указанному (или, скорее всего, к еще более раннему) времени можно отнести предание о борьбе терлоевцев за Никарой. Иначе говоря, не позднее конца XVIII в. верхнеаргунские чеченцы имели еще князей², вопреки С.Ц. Умарову, считавшему, что сословие князей чечено-ингушского происхождения было изжито значительно раньше, а именно к началу XVIII в. (Умаров, 1980: 22).

Фамильное предание, записанное 10.09.1987 г. в урочище Шунды со слов Хадиса Мегаевича Мамаева³, представителя терлоевского тайпа, также содержит упоминание о князе, владевшим КИрда бIаьвнаш. Предок шундинцев пришел в горы Чечни из Осетии через карабулакский аул Галашки (с тех пор в Ингушетии у шундинцев имеются кровные родственники Махлоевы). Первопоселенец (кажется, его звали Дударом) обосновался в Тёрлойн Мохк в местечке, прозванном позднее Элди-бIаьв (боевая башня Элди). Элди женился на дочери терлоевского князя Берка Бича, который выделил своей дочери и зятю землю (на ней теперь расположены развалины аула Шунды). Однако на этой земле жили уже люди, переселившиеся из Хевсуретии (из ущелья р. Андаки). Они построили Меци-бIаьв и имели языческое кладбище Меци-кешниш. Войной на хевсур пошел Элди Талат. Так же, как и при захвате Никарой, при завоевании Шунды использовались луки и стрелы. Хевсуры, потомки Меци, вынуждены были вернуться на свою прародину.

Фамильное предание, записанное нами со слов Х.М. Мамаева, и два предания из статьи М.Х. Ошаева (Ошаев, 1966: 156-158) созвучны относительно осетино-ингушского происхождения части терлоевцев. На основании фамильного предания Х.М. Мамаева мы можем только уточнить, что правильнее было бы говорить не об осетино-ингушском, а об осетино-карабулакском происхождении Махлоевых⁴. Ведь в те давние времена, когда

¹ Как здесь не вспомнить итумкалинское предание, сюжет которого тоже основан на вооруженном противостоянии близких родственников – внука и его деда-князя.

² По В.И. Марковину, огнестрельное оружие в Чечне и Ингушетии появилось в XV в. и широко распространилось в XVI в. Однако Х.Д. Ошаев полагал, что вряд ли оно появилось у чеченцев и ингушей в сколько-нибудь значительном количестве в указанное время, поскольку еще в 1732 г. чеченцы, наряду с огнестрельным оружием, применяли и лучный бой (Ошаев, 1968: 120). Стало быть, XVIII в. вполне вероятен как время существования князей у верхнеаргунских горцев. Что касается огнестрельного оружия, то по сведениям А.Н. Генко, «калканцы» (предположительно ингуши) при нападении на посольство М. Татищева в ущелье Терека (на отрезке между селениями Ларс и Казбеги) использовали «вогненный бой» в 1604 г. (Генко, 1930: 702). В 1638 г. жители горские и «земли туской» (по-видимому, тушинской. – Авт.) применяли в бою ружья, луки, сабли и копья (Генко, 1930: 732).

³ Х.М. Мамаев перечислил следующих своих прямых отцовских предков: Дудар (?), Элди, Талат, Шициг, Шицха, Мяхди, Тёлак, Мама, Мега.

⁴ Ш.Э. Дахкильгов сообщает о Махлой (Махулоевых) и Мохлой (Мохолой, Мохулоевых). Мохлой – выходцы из Чечни, переселившиеся в аул Мохале (Цоринское этническое общество) (Дахкильгов,

использовались луки и стрелы, Галашки населяли не ингуши (галгаевцы), а карабулаки (орцхоевцы). Судя по всему, конфликт между Элди Талатом и Берком Бичем, о котором сообщал М.Х. Ошаев (Ошаев, 1966), был урегулирован женитьбой Элди Талата на дочери Берка Бича. Однако судьба жены сына Берка Бича осталась непроясненной.

Мы уже упоминали раньше об особой военной дружине, ссылаясь на работы М.А. Мамакаева (Мамакаев, 1936: 63; 1973: 48, 52), Р.Л. Харадзе, А.И. Робакидзе (Харадзе, Робакидзе, 1968: 139, 143) и Е.И. Крупнова (Крупнов, 1971: 167), называемой у чеченцев гГерой (варианты гГери/гГера), а у ингушей – гаьр/гГаьр. По сказаниям верхнеаргунских чеченцев, нам эта особая военная дружина была известна как гГерархой.

Поскольку гГерархой внесли свою лепту в наполнение рынка рабов (как в Чечне, так и в Ингушетии), сообщим, что о них известно. Р.Л. Харадзе, А.И. Робакидзе определяли ингушский гГаьр как «...институт типично военно-демократического происхождения...», в недрах которого формировались так называемые батыры – личности особого статусного положения (Харадзе, Робакидзе, 1968: 143). По мнению грузинских этнографов, батыр – человек, отошедший от производительного труда и сделавший набег регулярным делом, своего рода ремеслом¹. Профессионализм батыров просматривался во всем: у них были хорошо выезженные лошади, всевозможное дорогое оружие, укрепленное жилье. Батыры в совершенстве владели конем, оружием, тактикой боя и славились верностью в дружбе.

Как считали Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, батыры, строго почитавшие старших и уважительно относившиеся к женщинам, отличавшиеся гостеприимством и готовностью умереть за интересы своей общины, одно время пользовались славой народных героев (Харадзе, Робакидзе, 1968: 144). Однако параллельно с накоплением богатства и ростом авторитета в обществе расширялась и личная власть батыров. Все дальше отдаляясь от общества, они противостояли людям и в конце концов поработщали их. Народные герои становились поработителями народа. Процесс классового образования в Ингушетии протекал при разложении сельского общинного быта с участием военно-демократических начал в сторону формирования не рабовладельческого, а раннефеодального общества (Харадзе, Робакидзе, 1968: 144, 146).

В чеченских горских преданиях гГерархой, пленившие людей для взимания выкупа за них или с целью продажи в рабство, упоминаются довольно часто. Приведем несколько дополнительных сведений о гГерархой, относящихся к Верхнеаргунскому региону Чечни.

В предании, услышанном 29.02.1984 г. в с. Пригородном от представителя тайпа чиннахой (чиннахой), говорится о Точе, одном из родоначальников чиннахоевцев. Точ жил в ауле Ушкалой, расположенном на южном склоне Скалистого хребта, а на северном склоне этого хребта находился аул Гучум-Кале. Пройти из одного аула в другой можно было по единственной тропинке, протянувшейся по узкому ущелью Чанты-Аргуна. Но в дебрях этого ущелья, в глухом местечке Пшача, базировались гГерархой. Они занимались воровством людей – их увозили и продавали в далеких краях. Однажды Точ договорился с жителем аула Гучум-Кале о том, что этот житель вспашет ему землю своими быками и плугом. Завершив пахоту, гучумкалинец собрался в обратный путь. Перед выходом он задал Точу вопрос: а что ему делать в том случае, если при возвращении в Гучум-Кале в глухом ущелье столкнется с гГерархой. Точ не без гордости ответил: скажи, что с быками и плугом ты следуешь от меня. Гучумкалинец отправился по тропинке в свой аул, миновал башни под скалой. Но в ущелье его остановили гГерархой и отобрали быков. Вспомнив, что следует говорить при встрече с гГерархой, гучумкалинец заявил, что он возвращается от Точа. Услышав это имя, гГерархой отобрали у гучумкалинца еще и плуг...

Недобрая память о гГерархой сохранялась у чеченских горцев в советское время, о чем свидетельствует следующий случай, рассказанный нам жителем с. Итум-Кале С.Р. Шахбулатовым. После возвращения чеченцев на родину из сталинской ссылки началась прокладка грунтовой автомобильной дороги из Итум-Кале в с. Шарой. Однажды ночью один дорожный строитель, будучи в состоянии сильного опьянения, взобрался на крышу придорожного сарайчика и сильно, пронзительно закричал. Услышав дикий, истошный

1991: 39-40). Связаны ли как-то эти ингуши Махлой/Мохлой с чеченцами (терлоевцами) Махлой, нам достоверно неизвестно.

¹ Может быть, чеченским аналогом ингушского батыра является баьчча.

крик, местный старик недовольно произнес: наверно, когда в старину гѠрахой похищали девушек, то даже они так сильно не кричали.

4. Результаты

Критическо-хронологический обзор, обсуждение и последующее осмысление всего собранного литературного (историко-краеведческого) и полевого изустного (историко-этнографического) материала позволили представить следующие результаты.

Институт рабства существовал на всей территории Чечни и в горах Ингушетии. Присутствие рабовладельцев и двух категорий рабов (ясырей и лаев) на этих территориях общепризнано. Точно установить время, когда у чеченцев и ингушей появилось рабство, не представляется возможным. Согласно Н.П. Гриценко, оно могло появиться в XV в. или немного раньше (Гриценко, 1976: 282). Ф.В. Тотоев отмечал, что первые сведения о рабах предположительно можно отнести к XV – первой половине XVI вв. или к более раннему времени (Тотоев, 2009: 213). Т.С. Магомадова ранний период рабовладения датировала XVI–XVII вв., а поздний период – XVIII–XIX вв. Приведенные данные позволяют считать XV в. в качестве начальной условной даты возникновения рабства в Чечне и горной зоне Ингушетии. Конечная дата существования рабства – 1867 г., когда оно было официально отменено царской властью на всей территории Кавказа (Гриценко, 1976: 298).

Рабство у чеченцев и ингушей, зародившееся в языческий период, продолжилось и после принятия ислама. Важнейшую роль в возникновении и распространении рабства в горах Чечни и Ингушетии, по нашему мнению, сыграли гѠрахой.

Полностью соглашаясь с Ф.В. Тотоевым (Тотоев, 2009: 214-216, 225), выделившим пять источников формирования контингента рабов в Чечне, акцентируем внимание на захвате чеченцами и ингушами пленников как внутри своей этнической среды (то есть чеченцы похищали чеченцев, а ингуши похищали ингушей), так и на захвате чеченцами пленников у ингушей и наоборот. Иначе говоря, в далеком прошлом похищение людей с целью продажи или обращения в рабство носило всеобщий характер. «Богоизбранные», особенные народы, военные дружины которых захватывали пленников исключительно у соседних народов (горных грузин, осетин, русских и других), но не похищали пленников на своей этнической территории, не существовали. Хотя, безусловно, жертвами хищников из Чечни и Ингушетии становились прежде всего представители соседних народов.

Численность рабов, находившихся в горах Чечни и Ингушетии в древности, нельзя определить ни по каким источникам. Официальные данные 60-х гг. XIX в. о численности рабов в Чечне, опубликованные советскими исследователями, не только противоречивы, но и весьма приблизительны. Данные царской администрации учитывали в основном рабов, находившихся в предгорно-плоскостных районах и вряд ли отражали ситуацию с рабами в отдаленных горных районах Чечни (в которых царская власть функционировала номинально). Тем не менее умозрительно можно предположить, что количество рабов в Чечне и Ингушетии было незначительным от общей численности их населения.

Рабовладельцами в горных обществах Чечни и Ингушетии были как зажиточные и влиятельные лица, так и рядовые члены горской общины. Рабовладельцы пользовались всеми правами в отношении своих рабов и смотрели на них как на вещь, с которой можно было поступить, как угодно. Владельцы ясырей и лаев относились к рабам неодинаково, что во многом определялось личностью хозяина и трудоспособностью рабов. Чаще всего фиксируются жестокие, бесчеловечные и даже изуверские действия хозяев по отношению к пленникам и рабам и тяжелые условия их содержания. В том случае, если рабы своим примерным трудом и исполнительностью завоевывали хорошее расположение хозяина, то условия их жизни несколько улучшались. Рабы, проработавшие на хозяина длительное время (от 15–20 лет и до самой старости), по его благоволению могли получить свободу и стать полноправными членами горской общины. Несмотря на это, в народе сохранялась память о лайском прошлом семейств вольноотпущенных рабов¹.

¹ В Чечне считается, что каждый коренной чеченец должен знать как минимум 7 своих прямых отцовских предков. Если кто-то из чеченцев не может назвать 7 своих прямых предков или отвечает, что не знает или не помнит свой тайп, то это есть признаки или иноземного, или бывшего лайского происхождения.

Мы согласны с мнением исследователей о том, что в Чечне и Ингушетии бытовало патриархальное рабство. Возникшее в период разложения первобытнообщинного строя и формирования классового общества (Гриценко, 1976: 281-282) рабство в Чечне и горах Ингушетии не «дожило» до своего расцвета и не оформилось в законченную социально-экономическую формацию (Мамакаев, 1973: 51). Как отмечал Ф.В. Тотоев (Тотоев, 2009: 227-229), у чеченцев (добавим, и у ингушей. – Авт.) сложились только элементы рабовладельческих отношений. Поэтому рабство у этих народов было квалифицировано как неразвитое и зачаточное.

Рабство у горных ингушей носило особый характер, поскольку было направлено не на дальнейшее развитие рабовладельческих отношений, а по факту на принудительную ассимиляцию на местной почве инонациональных элементов с целью их последующего закрепощения (Харадзе, Робакидзе, 1968: 163-164).

Институт княжеской власти географически не распространялся на всю Чечню. Установлено, что князья достоверно присутствовали в 3 обособленных регионах: горы верхнего течения Чанты-Аргуна, предгорная плоскость (Большая Чечня и Надтеречная Чечня)¹, Терский городок (крепость находилась в северной части нынешнего Дагестана). Соответственно, были представлены 3 локальные группы князей. В верховьях Чанты-Аргуна существовали горские чеченские князья («эл»). В восточной части предгорной плоскости Чечни и в Надтеречной Чечне правили князья-иноземцы из Аварии, Кумыкии и Кабарды. Жителями Терского городка являлись чеченские князья («окоцкие мурзы»), по происхождению относившиеся к аккинскому тайпу (ококи, или окочане).

Попытаемся приблизительно определить хронологические рамки существования института княжеской власти в указанных трех регионах. Период существования князей в верховьях Чанты-Аргуна можно датировать по данным, содержащимся в преданиях и публикациях. Согласно преданиям, в период существования князей использовались еще луки и стрелы. По Б.К. Далгату, ингуши применяли луки и ружья в бою в конце XVIII в. (Далгат, 1893: 64), а чеченцы, по Х.Д. Ошаеву (Ошаев, 1968: 120), еще раньше – в 1732 г. По сообщению А.Н. Генко (Генко, 1930: 732), горцы Дарьяльского ущелья Терека (в том числе, полагаем, и ингуши) применяли в бою ружья и луки в 1638 г. Благодаря Н.А. Худадову (Худадов, 1890: 66) мы также знаем, что жестокий князь жил в Верхнеаргунском регионе Чечни до арагвского эристава Зураба, то есть до 1619 г. Наконец, С.Ц. Умаров писал о том, что с конца XVII в. горские князья перестают упоминаться в исторических документах, а до середины XVIII в. княжеское сословие было ликвидировано (Умаров, 1980: 8). Получается, что фиксированные по указанным выше источникам крайние даты существования института княжеской власти в верховьях Чанты-Аргуна – начало XVII – конец XVIII вв.

Княжеская власть на предгорной плоскости Чечни, если судить по мелардойским князьям Турловым, существовала в период с первой половины XVII в. и до конца XVIII в. (История народов Северного Кавказа..., 1988: 295; Иваненков, 1910: 6). После ликвидации княжеской власти в Чечне иноземные князья продолжали жить в регионе (например, в притеречных районах Малой Кабарды) вплоть до установления советской власти.

В Терском городке, кроме кабардинских князей, проживали и окоцкие мурзы. Судя по материалам о рабстве и рабовладении у ококов (Магомадова, 2017: 153-154), их мурзы были известны в Терском городке с конца XVI в. и как минимум в течение XVII в.

Положение горских князей в этнических обществах Горной Чечни в полной мере прояснить не удалось. Судя по малхистинским и ингушским преданиям, горцы избирали себе князей. Претенденты на княжеский титул должны были обладать такими важными в глазах горцев качествами, как сила, смелость, ловкость, и должны были принести какую-либо реальную пользу обществу. Предания не сообщают о том, что княжеский титул мог передаваться по наследству. С другой стороны, существуют сведения о возобновляемости княжеского правления в Чеберлоевском и Шароевском этнических обществах (Великая и др., 1990: 59). Однако откуда заимствованы эти сведения, нам неизвестно. Более того, мы не

¹ Большая Чечня – правобережная сторона р. Аргун на Чеченской плоскости. Надтеречная Чечня – равнинно-возвышенная территория, называемая чеченцами Теркйист и Чергазийн рагІнаш.

располагаем сколько-нибудь надежными сведениями о существовании в этих обществах княжеского правления как такового.

Под начальством горских князей находились военные дружины. Князья владели земельными угодьями и большими стадами. Некоторые из них контролировали важнейшие пути сообщения и получали дань за безопасный проход по своей земле.

Зависимость населения от князей выражалась в безвозмездной пастьбе их стад с возмещением естественной убыли скота и отдачей всего приплода. Малхистинский князь обладал специфическим, унижающим достоинство женихов и невест правом трех первых брачных ночей со всеми горянками, вышедшими замуж. Горские князья, по-видимому, не владели рабами: во всяком случае, предания о них не упоминают.

Иноземные князья, призванные в Чечню, обладали весьма ограниченной властью и правили чеченцами на договорных началах (Умаров, 1980: 8, 22). Власть иноземных князей подрывали и обесценивали нормы адата, которыми руководствовались чеченцы, когда защищали от наказания провинившихся членов своего тайпа или рода.

Окоцкие мурзы верой и правдой служили московским государям. Во главе терских окочан мурзы ходили в походы, сражались с неприятелями России. Как и другие жители Терского городка, окоцкие мурзы имели рабов-ясырей, которых использовали в качестве рабочей силы. По Т.С. Магомадовой, рабы служили также предметом купли и продажи и немаловажным источником дохода в семейный бюджет как рядовых общинников, так и зажиточных рабовладельцев (Магомадова, 2017: 153, 154).

5. Заключение

В целом на основании представленного выше материала можно констатировать, что чеченцы и ингуши прошли путь исторического развития, отчасти сходный с другими кавказскими народами и имеющий несколько отличительных особенностей.

На наш взгляд, особенности исторического развития чеченцев и ингушей были обусловлены природными условиями их жизни и хозяйствования. Во-первых, глубинные горные территории чеченцев и ингушей, их исторические колыбели, находились в почти полной географической изоляции от внешнего мира. К препятствиям, созданным горным рельефом, добавлялось бездорожье и полное отсутствие более или менее удобных путей сообщения, что в совокупности тормозило развитие оживленных торгово-экономических, культурных и прочих связей как между различными этническими обществами чеченцев и ингушей, так и между ними и их соседями. Во-вторых, в горной зоне Чечни и Ингушетии отсутствовали крупные площади, пригодные по рельефу для земледельческой обработки. Поэтому были распространены мелкоконтурные индивидуальные хозяйства, владельцы которых не нуждались в использовании подневольного рабского труда в сколько-нибудь значительных размерах. С этим обстоятельством связана незаинтересованность горских рабовладельцев иметь большое количество рабов, которых необходимо было содержать и которые в условиях небольших хозяйств скорее были бы обузой, чем источником дохода для семейств. Именно поэтому у горных чеченцев и ингушей распространилось домашнее рабство. Поскольку горские рабовладельцы от рабского труда не получали значительной прибавочной стоимости, которая могла бы направляться на расширение производства и получение еще большей прибавочной стоимости, процесс их обогащения происходил в замедленном режиме. Соответственно, социальное расслоение горского общества в Чечне и Ингушетии протекало замедленно, поэтому развитая классовая структура у чеченцев и ингушей так и не успела сформироваться.

В силу вышесказанного, отличительными особенностями горских обществ Чечни и Ингушетии от соседних обществ Дагестана, Осетии и Кабарды являются относительная неразвитость института рабства и рабовладения и немногочисленность класса рабов.

Господствующий класс (представленный у чеченцев «доморощенными» горскими князьями, окоцкими мурзами и иноземными князьями) в своем развитии также не достиг такого высокого уровня, как в горских обществах Дагестана, Осетии и Кабарды, и изжил себя, почти не оставив следов своего существования в исторической памяти народа.

Чеченцы поднялись по социальной лестнице на одну ступень выше, чем ингуши. В историческом прошлом у чеченцев существовали рабы, рабовладельцы и князья, тогда как

у ингушей имелись рабы, рабовладельцы, древние благородные фамилии, бравшие с зависимых фамилий дань, влиятельные богатые люди, но не было князей.

Полагаем, что необходимо продолжить поиск информации по затронутой в статье тематике. Поиск полезной информации может осуществляться по двум направлениям. С одной стороны, это целенаправленный поиск документальных свидетельств в грузинских хрониках и других источниках о том периоде, когда политическое и культурное влияние Грузии распространялось на смежные высокогорные районы Северного Кавказа (XI–XIV вв.). Кроме того, данные о рабах и князьях в горах Чечни и Ингушетии могут содержаться и в русских «статейных списках», в которых описываются маршруты московских послов в Грузию через Чечню и Ингушетию. Для получения дополнительных сведений о рабах и князьях, находившихся в предгорно-плоскостной полосе Чечни и Терском городке, было бы целесообразно детальнее изучить русские архивные документы XVII–XIX вв.

С другой стороны, это поиск чеченских и ингушских исторических преданий. По нашему убеждению, носителей древних народных преданий о жизни верхнеаргунских и ингушских горцев, при заинтересованности исследователей, в Чечне и Ингушетии можно отыскать и сегодня. Предания (в особенности фамильные) передавались из поколения в поколение, поэтому у нас нет сомнения в том, что какие-то предания еще живы и надо только суметь найти их носителей. Таковыми могут быть чеченские горцы, населяющие Итум-Калинский, Шаройский, Галанчожский и Чеберлоевский районы, или вчерашние горцы, ныне живущие на плоскости, но не потерявшие тесные связи с родовыми очагами в горах. То же относится и к тем ингушам, кто живет в Джейрахском районе (в долине Армхи и Таргимской котловине) и на предгорной плоскости Ингушетии.

Хранителями ценной информации о рабах, рабовладельцах, герахой и чеченских горских князьях могут быть прежде всего представители тайпов аьккхий, галай, дишний, кей, маьлхий, тГерлой, чАьнтый, чГеберлой, чИннахой, шарой. Ценная информация о рабах, рабовладельцах и военных набеговых дружинах (гаьраш/гАьраш) у ингушей могла сохраниться в памяти представителей жАйрахой, кхаькхаллой (тАргимхой, эгикхалхой, хамхой) и цхьорой.

В деле выявления деталей древней, поистине самобытной истории горцев Чечни и Ингушетии (в том числе и по интересующей нас тематике о рабах и князьях) необходимо отличать в преданиях подлинно народные начала от позднейших привнесенных элементов, возникших в связи с изменениями в мировоззрении чеченцев и ингушей.

Позднейшие идеологизированные напластования в древних народных преданиях, связанные, например, с влиянием мусульманской религии¹ или со стремлением утаить от исследователей «непрестижные» эпизоды из истории собственного тайпа или рода, способствуют искажению и переиначиванию сущности преданий и в целом обедняют и затушевывают яркую и самобытную жизнь чеченских и ингушских горцев в древности.

Литература

Александров, 1871 – Александров М.П. В плену у горцев. Рассказ старого кавказца / М.П. Александров. СПб., 1871. 22 с.

Базоркин, 1964 – Базоркин М.М. Памятники средневековья в горной Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1964. 51 с.

Берже, 1859 – Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. 140 с.

Бларамберг, 2005 – Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М.: Изд. А.Г. Надыршин, 2005. 432 с.

Броневский, 1823 – Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: В Типографии С.И. Селивановского, 1823. 465 с.

¹ Частным примером идеологического влияния на мироощущение чеченских горцев являются утверждения о том, что языческие гробницы («солнечные могилы») якобы принадлежат не их предкам, ибо чеченцы мусульмане и в таких гробницах не хоронят. Хотя некоторые языческие гробницы, действительно, построили не чеченцы (например, Меци-кешнаш в ТГерлойн Мохк построили хевсуры), в большинстве случаев «солнечные могилы», безусловно, чеченские.

Вартапетов, 1932 – *Вартапетов А.С.* Проблемы родового строя ингушей и чеченцев // Советская этнография. 1932. № 4. С. 63-89.

Великая и др., 1990 – *Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И., Чахкиев Д.Ю.* Очерки этнографии чеченцев и ингушей (дореволюционный период): Учеб. пособие / Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, кафедра истории народов Северного Кавказа. Грозный, 1990. 96 с.

Волконский, 1882 – *Волконский Н.А.* Семь лет в плену на Кавказе (1849–1856). Очерки политического и домашнего быта кавказских горцев // *Русский вестник*. 1882. Т. CLIX. № 5 (май). С. 217-283.

Генко, 1930 – *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. V. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С.681-761.

Головинский, 1878 – *Головинский П.И.* Заметки о Чечне и чеченцах // *Сборник сведений о Терской области. Вып. 1* / Под ред. Н.А. Благовещенского; Издание Терского областного статистического комитета. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1878. С. 241-261.

Головлёв, 1980а – *Головлёв А.А.* Что мы знаем о своем прошлом? Народное предание об основании селения Итум-Кале и происхождении чантийского общества // *Ленинец*. 1980. № 73. С. 3-4.

Головлёв, 1980б – *Головлёв А.А.* Что мы знаем о своем прошлом? Народное предание об основании селения Итум-Кале и происхождении чантийского общества // *Ленинец*. 1980. № 74. С. 3.

Головлёв, 1990 – *Головлёв А.А.* К вопросу о беглых и пленных русских у Шамиля // Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом (формы, характер, исторические последствия): тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции / Отв. ред. В.Б. Виноградов; Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого. Грозный, 1990. С. 38-42.

Гриценко, 1976 – *Гриценко Н.П.* Рабство и рабовладение в Чечено-Ингушетии (XV – первая половина XIX века) // *Вопросы истории Чечено-Ингушетии*. Т. X. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976. С. 276-298.

Дахкильгов, 1978 – *Дахкильгов И.А.* Исторический фольклор чеченцев и ингушей: Пособие для студентов вузов / Чечено-Ингушский государственный университет. Грозный: Типография им. И.Н. Заболотного, 1978. 136 с.

Дахкильгов, 1991 – *Дахкильгов Ш.Э.* Происхождение ингушских фамилий. Грозный: Книга, 1991. 64 с.

Документы по взаимоотношениям..., 1968 – Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / АН Грузинской ССР, Государственный музей Грузии им. академика С.Н. Джанашиа; документы подобрал, подготовил к печати и предпослал им исследование В.Н. Гамкрели. Тбилиси: Мецниереба, 1968. 336 с.

Дударев, 1990 – *Дударев С.Л.* О беглых и пленных российских солдатах и казаках у горцев в XIX в. / *Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом (формы, характер, исторические последствия): тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции* / Отв. ред. В.Б. Виноградов; Чечено-Ингушский государственный ун-т им. Л.Н. Толстого. Грозный, 1990. С. 42-45.

Дударев, 2022 – *Дударев С.Л.* К истории Северного Кавказа XVI – начала XXI века. Сборник научных статей и рецензий. Армавир: АГПУ; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. С. 293-376.

Дударев, Дударев, 2017б – *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир-Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. С. 170-253, 262-364.

Екельн, 1841 – *Екельн Л.Ф.* Из записок русского, бывшего в плену у черкесов // *Отечественные записки*. 1841. Т. XIX. № 12. С. 91-96.

Иваненков, 1910 – *Иваненков Н.С.* Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области // *Терский сборник*. Вып. 7 / Издание Терского областного статистического комитета; под ред. М.А. Караулова 2-го. Владикавказ: Электротипография Типографии Терского областного правления, 1910. 223 с.

- Иванов, 1902** – *Иванов М.А.* Верховья р. Гехи // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. 1902. Т. XV. № 4. С. 271-302.
- Иноземцева, 2014** – *Иноземцева Е.И.* Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2014. 298 с.
- Ипполитов, 1868** – *Ипполитов А.П.* Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис: В Типографии Главного управления Наместника Кавказского, 1868. С. 1-56.
- Исторический очерк распространения..., 1850** – Исторический очерк распространения русского владычества под Кавказом // *Кавказский календарь на 1851 год*. Отд. III. Тифлис: В Типографии Канцелярии Наместника Кавказского, 1850. С. 43-52.
- История народов Северного Кавказа..., 1988** – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. 544 с.
- Кокурхаев, 1989** – *Кокурхаев К.-С. А.-К.* Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей / К.-С. А.-К. Кокурхаев. Грозный: Издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1989. 112 с.
- Крупнов, 1971** – *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия / Е.И. Крупнов; под ред. В.И. Марковина, Р.М. Мунчаева. М.: Изд-во «Наука», 1971. 208 с.
- Лаудаев, 1872** – *Лаудаев У.Л.* Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI / У.Л. Лаудаев. Тифлис: Издание Кавказского Горского управления, 1872. С. 1-62.
- Леонтович, 1883** – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. II. Адаты осетин, чеченцев и кумыков. Свод адатов горцев Северного Кавказа // Записки императорского Новороссийского университета. Т. 38. Одесса: Типография П.А. Зелёного, 1883. 396 с.
- Магомадова, 2017** – *Магомадова Т.С.* Рабство и работорговля у чеченцев в XVII в. // Известия Чеченского государственного университета. 2017. № 2(6). С. 147-155.
- Макалатия, 1940** – *Макалатия С.И.* Хевсурети. Историко-этнографический очерк дореволюционного быта хевсуров. Тбилиси: Грузинское краеведческое общество, 1940. 227 с.
- Максимов, 1893** – *Максимов Е.Д.* Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк // Терский сборник. Вып. 3 / Под ред. Г.А. Вертепова; Издание Терского областного статистического комитета. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1893. С. 3-100.
- Мамакаев, 1936** – *Мамакаев М.А.* Правовой институт тайпизма и процесс его разложения // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Т. I(IV). Вып. 1. Грозный: Типография Чечингиздата, 1936. С. 55-71.
- Мамакаев, 1973** – *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973. 100 с.
- Мартirosiан, 1928** – *Мартirosiан Г.К.* Нагорная Ингушия. Социально-экономический очерк / Ингушский научно-исследовательский институт краеведения. Владикавказ: Государственная типография Автономной области Ингушии, 1928. 151 с.
- Ольшевский, 1893** – *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год // Русская старина. 1893. Т. LXXIX. № 7 (июль). С. 89-124.
- Описание Чечни..., 1940** – Описание Чечни с сведениями этнографического и экономического характера, составленное кап. ген. штаба И.И. Норденстаммом // Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. I (1801–1839). Махачкала: Дагестанское государственное издательство, 1940. С. 298-329.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР..., 1967** – Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. С древнейших времен по март 1917 года. Т. I / Гл. ред. Н.А. Смирнов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967. 316 с.
- Ошаев, 1966** – *Ошаев М.Х.* Рекогносцировочное описание памятников средневековья р. Терлой-Ахк (горная Чечня) // Археолого-этнографический сборник. Т. VII. Вып. 1. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1966. С. 152-162.
- Ошаев, 1928** – *Ошаев Х.Д.* В сердце Чечни / Издание Чеченского отдела народного образования. Грозный: Типолитография Чеченского издательства «Серло», 1928. 19 с.
- Ошаев, 1930** – *Ошаев Х.Д.* Малхиста (К характеристике пережитков родового строя) // Революция и горец. 1930. № 8(22). С. 58-65.

Ошаев, 1966 – *Ошаев Х.Д.* Пламенные годы: Исторический роман в трёх частях. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1966. 388 с.

Ошаев, 1968 – *Ошаев Х.Д.* Некоторые вопросы использования нахских башен в бою // Кавказский этнографический сборник. Вып. II. Очерки этнографии Горной Ингушетии. Тбилиси: Мецниереба, 1968. С. 118-126.

Покровский, 2009 – *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля / Институт истории Сибирского отделения РАН. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2009. 592 с.

Потоцкий, 2006 – *Потоцкий Я.Ю.* Путешествие по Астраханским степям и по Кавказу // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков: Сборник материалов; подготовил В.М. Аталиков. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2006. С. 365-391.

Россикова, 1895 – *Россикова А.Е.* Путешествие по центральной части горной Чечни. Тифлис: Типография Грузинского издательского товарищества, 1895. 92 с.

Самойлов, 1855 – *Самойлов К.* Заметки о Чечне // *Пантеон*. 1855. Т. XXIII. № 10. С. 29-64.

Семенов, 1928 – *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925–27 гг. / Ингушский научно-исследовательский институт краеведения. Владикавказ: Государственная типография Автономной Области Ингушии, 1928. 32 с.

Семенов, 1935 – *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1930–32 гг. // *Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения*. Т. IV. Вып. 2. Орджоникидзе-Грозный: Государственная типография Автономной Области Ингушии, 1928. С. 143-191.

Сказки, сказания и предания..., 1986 – Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / Сост. А.О. Мальсагов, И.А. Дахкильгов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1986. 528 с.

Тотоев, 1969 – *Тотоев Ф.В.* Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII века – 40-е годы XIX века) // *Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы*. 1969. Т. VIII. Вып. 1. С. 185-197.

Тотоев, 2009 – *Тотоев Ф.В.* Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е годы XIX века). Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. 376 с.

Умаров, 1980 – *Умаров С.Ц.* О некоторых особенностях классовообразования и антифеодальной борьбы в средневековой Чечено-Ингушетии // Вопросы истории классовообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – нач. XX в.). Грозный, 1980. С. 7-26.

Хамчиев, 2003 – *Хамчиев С.А.* Ингушские личные имена: Справочное издание. Назрань: Издательство «Сердало», 2003. 128 с.

Харадзе, Робакидзе, 1968 – *Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И.* Характер сословных отношений в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Вып. II. Очерки этнографии Горной Ингушетии. Тбилиси: Мецниереба, 1968. С. 127-164.

Хасиев, 1986 – *Хасиев С.-М.А.* О социальном содержании института «тайп» чеченцев (XIX – начало XX века) // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С. 69-77.

Хожаев, 1993 – *Хожаев Д.А.* Чеченский волк – Солтамурад Беноевский. Грозный: «Книга», 1993. 40 с.

Христианович, 1928 – *Христианович В.П.* Горная Ингушия. К материалам по экономике альпийского ландшафта // Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. 1928. Вып. 2. № 36. С. 1-291.

Худадов, 1890 – *Худадов Н.А.* Заметки о Хевсуретии // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. 1890. Кн. XIV. Вып. 1. С. 62-96.

Щеблыкин, 1928 – *Щеблыкин И.П.* Искусство ингушей в памятниках материальной культуры / Ингушский научно-исследовательский институт краеведения. Владикавказ: Государственная типография Автономной Области Ингушии, 1928. 30 с.

Яковлев, 1925 – *Яковлев Н.Ф.* Ингуши. Популярный очерк. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. 135 с.

Dudarev, Dudarev, 2017a – Dudarev D.S., Dudarev S.L. Discussion of the Functioning of Some Forms of Personal Dependence in the North Caucasus Mountaineers in the first half of the 19th Century // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1): 18-30.

Klychnikov, 2020 – Klychnikov Yu.Yu. North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement // *Slavery: Theory and Practice*. 2020. 5(1): 4-18.

References

Aleksandrov, 1871 – Aleksandrov, M.P. (1871). V plenu u gorcev. Rasskaz starogo kavkazca [In captivity at Highlanders. The story of an old Caucasian]. S.-Peterburg, 1871. 22 p. [in Russian]

Bazorkin, 1964 – Bazorkin, M.M. (1964). Pamyatniki srednevekov'ya v gornoj Checheno-Ingushetii [Medieval monuments in mountainous Chechen-Ingushetia]. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 51 p. [in Russian]

Berzhe, 1859 – Berzhe, A.P. (1859). Chechnya i chechency [Chechnya and Chechens]. Tiflis, 140 p. [in Russian]

Blaramberg, 2005 – Blaramberg, I.F. (2005). Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [Historical, topographic, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. M.: Izd. A.G. Nadyrshin, 432 p. [in Russian]

Bronevskij, 1823 – Bronevskij, S.M. (1823). Novejshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze [The latest geographical and historical news about the Caucasus]. M.: V Tipografii S.I. Selivanovskogo, 465 p. [in Russian]

Dahkil'gov, 1978 – Dahkil'gov I.A. (1978). Istoricheskij fol'klor chechencev i ingushej [Historical folklore of Chechens and Ingush] / Checheno-Ingushskij gosudarstvennyj universitet [Chechen-Ingush State University]. Groznyj: Tipografiya im. I.N. Zabolotnogo, 136 p. [in Russian]

Dahkil'gov, 1991 – Dahkil'gov, Sh.E. (1991). Proiskhozhdenie ingushskih familij [Origin of Ingush surnames]. Groznyj: Kniga, 64 p. [in Russian]

Dokumenty po vzaimootnosheniyam..., 1968 – Dokumenty po vzaimootnosheniyam Gruzii s Severnym Kavkazom v XVIII v. (1968) [Documents on Georgia's relations with the North Caucasus in the XVIII century]. AN Gruzinskoj SSR, Gosudarstvennyj muzej Gruzii im. Akad. S.N. Dzhanashia. Tbilisi: Mecniereba, 336 p. [in Russian]

Dudarev, 1990 – Dudarev, S.L. (1990). O beglyh i plennyh rossijskih soldatah i kazakah u gorcev v XIX v. [About the escaped and captured Russian soldiers and Cossacks among the Highlanders in the XIX century]. Istoki i tradicii rusko-severokavkazskogo boevogo sodruzhestva v dorevolucionnom proshlom (formy, harakter, istoricheskie posledstviya). Checheno-Ingushskij gosudarstvennyj universitet im. L.N. Tolstogo. Groznyj, pp. 42-45. [in Russian]

Dudarev, 2022 – Dudarev, S.L. (2022). K istorii Severnogo Kavkaza XVI – nachala XXI veka [On the History of the North Caucasus of the XVI – early XXI century]. Sbornik nauchnykh statej i retsenziy. Armavir: AGPU; Stavropol: Dizayn-studiya B, pp. 293-376. [in Russian]

Dudarev, Dudarev, 2017a – Dudarev, D.S., Dudarev, S.L. (2017). Discussion of the Functioning of Some Forms of Personal Dependence in the North Caucasus Mountaineers in the first half of the 19th Century. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 18-30.

Dudarev, Dudarev, 2017b – Dudarev, D.S., Dudarev, S.L. (2017). Severnyy Kavkaz glazami predstaviteley rossijskogo obshchestva pervoy poloviny – sere diny XIX veka [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society in the first half – middle of the XIX century]. Armavir; Stavropol: Dizayn-studiya B, pp. 170-253, 262-364.

Ekel'n, 1841 – Ekel'n, L.F. (1841). Iz zapisok russkogo, byvshego v plenu u cherkesov [From the notes of a Russian who was captured by the Circassians]. *Otechestvennye zapiski*. XIX(12): 91-96. [in Russian]

Genko, 1930 – Genko, A.N. (1930). Iz kulturnogo proshlogo ingushey [From the cultural past of the Ingush]. Zapiski kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzeye AN SSSR. Vol. V. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 681-761. [in Russian]

Golovinskij, 1878 – Golovinskij, P.I. (1878). Zametki o Chechne i chechencah [Notes on Chechnya and Chechens]. Sbornik svedenij o Terskoj oblasti. Vol. 1. Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, pp. 241-261. [in Russian]

Golovlyov, 1980a – Golovlyov, A.A. (1980). Chto my znaem o svoem proshlom? Narodnoe predanie ob osnovanii seleniya Itum-Kale i proiskhozhdenii chantijskogo obshchestva [What do we

know about our past? Folk legend about the foundation of the village of Itum-Kale and the origin of the Chantian society]. *Leninec*. 73: 3-4. [in Russian]

Golovlyov, 1980b – *Golovlyov, A.A.* (1980b). Chto my znaem o svoem proshlom? Narodnoe predanie ob osnovanii seleniya Itum-Kale i proiskhozhdenii chantijskogo obshchestva [What do we know about our past? Folk legend about the foundation of the village of Itum-Kale and the origin of the Chantian society]. *Leninec*. 74: 3. [in Russian]

Golovlyov, 1990 – *Golovlyov, A.A.* (1990). K voprosu o beglyh i plennyh russkikh u Shamilya [On the question of the fugitives and captured Russians at Shamil]. *Istoki i tradicii russko-severokavkazskogo boevogo sodruzhestva v dorevolucionnom proshlom (formy, harakter, istoricheskie posledstviya)*. Checheno-Ingushskij gosudarstvennyj universitet im. L.N. Tolstogo. Groznyj, pp. 38-42. [in Russian]

Gricenko, 1976 – *Gricenko, N.P.* (1976). Rabstvo i rabovladienie v Checheno-Ingushetii (XV – pervaya polovina XIX veka) [Slavery and slave-owning in Chechen-Ingushetia (XV – the first half of the XIX century)]. *Voprosy istorii Checheno-Ingushetii*. Vol. X. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 276-298. [in Russian]

Hamchiev, 2003 – *Hamchiev, S.A.* (2003). Ingushskie lichnye imena: Spravochnoe izdanie [Ingush personal names]. Nazran': Izdatel'stvo «Serdalo», 128 p. [in Russian]

Haradze, Robakidze, 1968 – *Haradze, R.L., Robakidze, A.I.* (1968). Harakter soslovnih otnoshenij v gornoj Ingushetii [The nature of class relations in mountainous Ingushetia]. *Kavkazskij etnograficheskij sbornik*. Issue II. Ocherki etnografii Gornoj Ingushetii. Tbilisi: Mecniereba, pp. 127-164. [in Russian]

Hasiev, 1986 – *Hasiev, S.-M.A.* (1986). O social'nom sodержanii instituta «taip» chechencev (XIX – nachalo XX veka) [About the social content of the institute «taip» of Chechens (XIX – early XX centuries)]. *Voprosy politicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya Checheno-Ingushetii (XVIII – nachalo XX veka)*. Groznyj, pp. 69-77. [in Russian]

Hozhaev, 1993 – *Hozhaev, D.A.* (1993). Chechenskij volk – Soltamurad Benoevskij [The Chechen Wolf – Soltamurad Benoyevsky]. Groznyj: «Kniga», 40 p. [in Russian]

Hristianovich, 1928 – *Hristianovich, V.P.* (1928). Gornaya Ingushiya. K materialam po ekonomike al'pijskogo landshafta [Mountainous Ingushia. To materials on the economics of the Alpine landscape]. *Trudy Severo-Kavkazskoj asociacii nauchno-issledovatel'skih institutov*. 2(36): 1-291. [in Russian]

Hudadov, 1890 – *Hudadov, N.A.* (1890). Zametki o Hevsuretii [Notes on Khevsuretia]. *Zapiski Kavkazskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Book XIV, 1: 62-96. [in Russian]

Inozemceva, 2014 – *Inozemceva, E.I.* (2014). Institut rabstva v feodal'nom Dagestane. Ocherki istorii [The institution of slavery in feudal Dagestan. Essays on history]. Mahachkala, 298 p. [in Russian]

Ippolitov, 1868 – *Ippolitov, A.P.* (1868). Etnograficheskie ocherki Argun'skogo okruga [Ethnographic essays of the Argun district]. *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah*. Is. I. Tiflis: V Tipografii Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, pp. 1-56. [in Russian]

Istoricheskij ocherk rasprostraneniya..., 1850 – Istoricheskij ocherk rasprostraneniya russkogo vladychestva pod-Kavkazom [Historical sketch of the spread of Russian rule under the Caucasus]. *Kavkazskij kalendar' na 1851 god*. Part III. Tiflis: V Tipografii Kancelyarii Namestnika Kavkazskogo, 1850, pp. 43-52. [in Russian]

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza..., 1988 – *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do konca XVIII v.* [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century]. M.: Nauka, 1988. 544 p. [in Russian]

Ivanenkov, 1910 – *Ivanenkov, N.S.* (1910). Gornye chechency. Kul'turno-ekonomicheskoe issledovanie Chechenskogo rajona Nagornoj polosy Terskoj oblasti [Mountain Chechens. Cultural and economic research of the Chechen district of the Upland strip of the Terek region]. *Terskij Sbornik*. Is. 7. Vladikavkaz: Elektropechatnaya Tipografii Terskogo oblastnogo pravleniya, 223 p. [in Russian]

Ivanov, 1902 – *Ivanov, M.A.* (1902). Verhov'ya r. Gekhi [Upper reaches of the Gekhi River]. *Izvestiya Kavkazskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. XV(4): 271-302.

Klychnikov, 2020 – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2020). North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement. *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 4-18.

Kokurhaev, 1989 – *Kokurhaev K.-S. A.-K.* (1989). Obshchestvenno-politicheskij stroj i pravo chechencev i ingushej [Socio-political system and law of Chechens and Ingush]. Groznyj: Izdatel'sko-poligraficheskoe ob"edinenie «Kniga», 112 p. [in Russian]

Krupnov, 1971 – *Krupnov, E.I.* (1971). Srednevekovaya Ingushetiya [Medieval Ingushetia]. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 208 p. [in Russian]

Laudaev, 1872 – *Laudaev, U.L.* (1872). Chechenskoe plemya [Chechen tribe]. Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Is. VI. Tiflis: Izdanie Kavkazskogo Gorskogo upravleniya, pp. 1-62. [in Russian]

Leontovich, 1883 – *Leontovich, F.I.* (1883). Adaty kavkazskih gorcev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza [Adats of the Caucasian mountaineers. Materials on the customary law of the North and East Caucasus]. Is. II. Adaty osetin, chechencev i kumykov. Svod adatov gorcev Severnogo Kavkaza. Zapiski imperatorskogo Novorossijskogo universiteta. Vol. 38. Odessa: Tipografiya P.A. Zelyonogo, 396 p. [in Russian]

Magomadova, 2017 – *Magomadova, T.S.* (2017). Rabstvo i rabotorgovlya u chechencev v XVII v. [Slavery and the slave trade among Chechens in the XVII century]. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(6): 147-155. [in Russian]

Makalatiya, 1940 – *Makalatiya, S.I.* (1940). Hevsureti. Istoriko-etnograficheskij ocherk dorevolucionnogo byta hevsurov [Khevsureti. Historical and ethnographic sketch of the pre-revolutionary life of the Khevsurs]. Tbilisi: Gruzinskoe kraevedcheskoe obshchestvo, 227 p. [in Russian]

Maksimov, 1893 – *Maksimov, E.D.* (1893). Chechency. Istoriko-geograficheskij i statistiko-ekonomicheskij ocherk [Chechens. Historical-geographical and statistical-economic essay]. Terskij Sbornik. Is. 3. Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, pp. 3-100. [in Russian]

Mamakaev, 1936 – *Mamakaev, M.A.* (1936). Pravovoj institut tajpizma i process ego razlozheniya [The legal institution of Taipism and the process of its decomposition]. *Izvestiya Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo institute*. I(IV). Issue 1. Groznyj: Tipografiya Chechingizdata, pp. 55-71. [in Russian]

Mamakaev, 1973 – *Mamakaev, M.A.* (1973). Chechenskij tajp (rod) v period ego razlozheniya [Chechen taip (genus) during its decomposition]. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 100 p. [in Russian]

Martirosian, 1928 – *Martirosian, G.K.* (1928). Nagornaya Ingushiya. Social'no-ekonomicheskij ocherk [Mountainous Ingushetia. Socio-economic essay]. Ingushskij nauchno-issledovatel'skij institut kraevedeniya. Vladikavkaz: Gosudarstvennaya tipografiya Avtonomnoj oblasti Ingushii, 151 p. [in Russian]

Ocherki istorii Checheno-Ingushskoj ASSR..., 1967 – Ocherki istorii Checheno-Ingushskoj ASSR. S drevnejshih vremen po mart 1917 goda [Essays on the history of the Chechen-Ingush ASSR. From ancient times to March 1917]. Vol. I. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. 316 p. [in Russian]

Ol'shevskij, 1893 – *Ol'shevskij, M.Ya.* (1893). Kavkaz s 1841 po 1866 god [The Caucasus from 1841 to 1866]. Russkaya starina LXXIX. № 7: 89-124. [in Russian]

Opisanie Chechni..., 1940 – Opisanie Chechni s svedeniyami etnograficheskogo i ekonomicheskogo haraktera, sostavlennoe kap. gen. shtaba I.I. Nordenstammom [Description of Chechnya with information of an ethnographic and economic nature, compiled by the Captain of the General Staff I.I. Nordenstamm]. Materialy po istorii Dagestana i Chechni. Vol. III. Part I (1801-1839). Mahachkala: Dagestanskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1940, pp. 298-329. [in Russian]

Oshaev, 1928 – *Oshaev, H.D.* (1928). V serdce Chechni [In the heart of Chechnya]. Izdanie Chechenskogo otdela narodnogo obrazovaniya. Groznyj: Tipo-litografiya Chechenskogo izdatel'stva «Serlo», 19 p. [in Russian]

Oshaev, 1930 – *Oshaev, H.D.* (1930). Malhista (K harakteristike perezhitkov rodovogo stroya) [Malchista (To characterize the remnants of the tribal system)]. *Revoljuciya i gorec*. 8(22): 58-65. [in Russian]

Oshaev, 1966 – *Oshaev, H.D.* (1966). *Plamennye gody: Istoricheskij roman v tryoh chastyah* [The Fiery Years: A Historical Novel in three parts]. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 388 p. [in Russian]

Oshaev, 1966 – *Oshaev, M.H.* (1966). *Rekognoscirovochnoe opisanie pamyatnikov srednevekov'ya r. Terloj-Ahk (gornaya Chechnya)* [Reconnaissance description of medieval monuments of the Terloj-Ahk river (mountainous Chechnya)]. *Arheologo-etnograficheskij sbornik*. Vol. VII. Issue 1. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 152-162. [in Russian]

Oshaev, 1968 – *Oshaev, H.D.* (1968). *Nekotorye voprosy ispol'zovaniya nahskih bashen v boyu* [Some questions of the use of the Nakh towers in battle]. *Kavkazskij etnograficheskij sbornik*. Is. II. *Ocherki etnografii Gornoj Ingushetii* [Essays on the ethnography of Mountainous Ingushetia]. Tbilisi: Mecniereba, pp. 118-126. [in Russian]

Pokrovskij, 2009 – *Pokrovskij, N.I.* (2009). *Kavkazskie vojny i imamat Shamilya* [Caucasian Wars and Shamil's Imamate]. 2nd ed., add. M.: ROSSPEN, 592 p. [in Russian]

Potockij, 2006 – *Potockij, Ya.Yu.* (2006). *Puteshestvie po Astrahanskim stepyam i po Kavkazu* [A journey through the Astrakhan steppes and the Caucasus]. *Severnyj Kavkaz v evropejskoj literature XIII-XVIII vekov: Sbornik materialov; podgotovil V.M. Atalikov. Nal'chik*, pp. 365-391. [in Russian]

Rossikova, 1895 – *Rossikova, A.E.* (1895). *Puteshestvie po central'noj chasti gornoj Chechni* [Travel through the central part of mountainous Chechnya]. Tiflis: Tipografiya Gruzinskogo izdatel'skogo tovarishchestva, 92 p. [in Russian]

Samojlov, 1855 – *Samojlov, K.* (1855). *Zametki o Chechne* [Notes about Chechnya]. *Panteon XXIII*. № 10: 29-64. [in Russian]

Semenov, 1928 – *Semenov, L.P.* (1928). *Arheologicheskie i etnograficheskie razyskaniya v Ingushii v 1925-27 gg.* [Archaeological and ethnographic searches in Ingushia in 1925-27]. *Ingushskij nauchno-issledovatel'skij institut kraevedeniya. Vladikavkaz: Gosudarstvennaya tipografiya Avtonomnoj Oblasti Ingushii*, 32 p. [in Russian]

Semenov, 1935 – *Semenov, L.P.* (1935). *Arheologicheskie i etnograficheskie razyskaniya v Ingushii v 1930-32 gg.* [Archaeological and ethnographic searches in Ingushia in 1930-32] / *Izvestiya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya*. IV(2). Ordzhonikidze-Groznyj: Gosudarstvennaya tipografiya Avtonomnoj Oblasti Ingushii, pp. 143-191. [in Russian]

Shcheblykin, 1928 – *Shcheblykin, I.P.* (1928). *Iskusstvo ingushej v pamyatnikah material'noj kul'tury* [Ingush Art in the Monuments of Material Culture]. *Ingushskij nauchno-issledovatel'skij institut kraevedeniya. Vladikavkaz: Gosudarstvennaya tipografiya Avtonomnoj Oblasti Ingushii*, 30 p. [in Russian]

Skazki, skazaniya i predaniya..., 1986 – *Skazki, skazaniya i predaniya chechencev i ingushej* (1986) [Fairytale, tales and legends of Chechens and Ingush]. Sost. A.O. Mal'sagov, I.A. Dahkil'gov. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986. 528 p. [in Russian]

Totoev, 1969 – *Totoev, F.V.* (1969). *Razvitie rabstva i rabotorgovli v Chechne (vtoraya polovina XVIII veka - 40-e gody XIX veka)* [The development of slavery and the slave trade in Chechnya (the second half of the XVIII century – the 40s of the XIX century)]. *Izvestiya Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, yazyka i literatury*. VIII(1): 185-197. [in Russian]

Totoev, 2009 – *Totoev, F.V.* (2009). *Obshchestvennyj stroj Chechni (vtoraya polovina XVIII – 40-e gody XIX veka)* [The social system of Chechnya (the second half of the XVIII – 40s of the XIX century)]. *Nal'chik*, 376 p. [in Russian]

Umarov, 1980 – *Umarov, S.C.* (1980). *O nekotoryh osobennostyah klassoobrazovaniya i antifeodal'noj bor'by v srednevekovoj Checheno-Ingushetii* [About some features of class formation and anti-feudal struggle in medieval Chechen-Ingushetia]. *Voprosy istorii klassoobrazovaniya i social'nyh dvizhenij v dorevolucionnoj Checheno-Ingushetii (XVI – nach. XX v.)*. Groznyj, pp. 7-26. [in Russian]

Vartapetov, 1932 – *Vartapetov, A.S.* (1932). *Problemy rodovogo stroya ingushej i chechencev* [Problems of the tribal system of Ingush and Chechens]. *Sovetskaya etnografiya*. 4: 63-89. [in Russian]

Velikaya i dr., 1990 – *Velikaya, N.N., Vinogradov, V.B., Hasbulatova, Z.I., Chahkiev, D.Yu.* (1990). *Ocherki etnografii chechencev i ingushej (dorevolucionnyj period)* [Essays on

Ethnography of Chechens and Ingush (pre-revolutionary period): Ucheb. posobie [Textbook]. Checheno-Ingushskij gosudarstvennyj universitet im. L.N. Tolstogo, kafedra istorii narodov Severnogo Kavkaza. L.N. Tolstoy Chechen-Ingush State University, Department of History of the Peoples of the North Caucasus. Groznyj, 96 p. [in Russian]

[Volkonskij, 1882](#) – *Volkonskij, N.A.* (1882). Sem' let v plenu na Kavkaze (1849–1856). Oчерki politicheskogo i domashnego byta kavkazskih gorcev [Seven years in captivity in the Caucasus (1849-1856). Essays on the political and domestic life of the Caucasian mountaineers]. *Russkij vestnik*. CLIX(5): 217-283. [in Russian]

[Yakovlev, 1925](#) – *Yakovlev, N.F.* (1925). Ingushi. Populyarnyj oчерk [Ingush. Popular essay]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 135 p. [in Russian]

К вопросу о рабах и князьях у чеченцев и ингушей

Алексей Алексеевич Головлёв^{a, *}

^a Русское географическое общество, Российская Федерация

Аннотация. Статья написана на основе литературного (историко-краеведческого) и полевого (историко-этнографического) материала, анализ которого подтвердил, что в Чечне и горах Ингушетии (начиная ориентировочно с XV в. и до 1867 г.) существовало патриархальное рабство. Основной источник формирования контингента рабов – военнопленные и гражданские лица, захваченные чеченцами и ингушами в соседних регионах. Однако контингент рабов в Чечне и Ингушетии пополнялся также за счет самих чеченцев и ингушей, что доказывается несколькими примерами. Подчеркивается особая роль военных дружин, известных в Чечне как «Герахой» (Герой/Гери/Гера), а в Ингушетии как гаър/Гяър, в возникновении *института рабства*. Народные предания, записанные автором в горах Чечни, подтверждают существование у верхнеаргунских чеченцев долгового рабства и наличие у них вассальной (лайской) зависимости от горского (в частности, от дишнийского) князя.

По материалам народных преданий и опубликованным историческим источникам установлено существование у чеченцев *института княжеской власти* в 3 локальных регионах в период с конца XVI в. и до конца XVIII в. С наибольшей подробностью изучены материалы о чеченских горских князьях, живших в верховьях Чанты-Аргуна и избравшихся населением за силу, храбрость и общественные благодеяния. Князья имели военные дружины, земельные угодья, стада и контролировали горные проходы, за что получали дань. Княжеский скот безвозмездно выпасали горцы, бывшие в лайской зависимости. Некоторые князья имели право первых брачных ночей с невестами своего общества. Существование личных рабов у горских князей не было зафиксировано.

Ключевые слова: рабы, рабство, рабовладение, Герахой, пленники, тайпы, предания, чеченцы, ингуши.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: progol94@mail.ru (А.А. Головлёв)